

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования

**«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ЮРГИНСКИЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ**

Л.Г. Полещук

**ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА:
ФИЛОСОФИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
В ЭПОХУ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

*Рекомендовано Сибирским региональным
учебно-методическим центром
высшего профессионального образования
для межвузовского использования в качестве
учебного пособия
для студентов технических направлений и специальностей*

Издательство
Томского политехнического университета
2011

УДК 1(075)

ББК 87я73

П49

Полещук Л.Г.

П49

Человек и природа: философия взаимоотношений в эпоху технологической революции: учебное пособие. / Л.Г. Полещук; Юргинский технологический институт. – 2-е изд. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2011. – 102 с.

В пособии изложены философские аспекты взаимоотношений человека и техники, психологические, педагогические, культурологические и другие исследования в области отношений природы, человека, и техники, а также значение творчества в этом процессе. Предложены приёмы налаживания эффективного взаимодействия в системе человек–техника–природа как в сфере профессиональной деятельности, так и в быту.

Предназначено для студентов, обучающихся в технических вузах.

УДК 1(075)

ББК 87я73

Рецензенты

Доктор педагогических наук, профессор Института развития образовательных систем РАО

М.П. Пальянов

Доктор философских наук, профессор Томского государственного педагогического университета

А.А. Степанов

© Юргинский технологический институт (филиал)
Национального исследовательского
Томского политехнического университета, 2011
© Полещук Л.Г., 2011
© Оформление. Издательство Томского
политехнического университета, 2011

Содержание

Введение	4
Часть I. Пространство естественной и искусственной природы и философские проблемы образования	10
§1. Техника как мир искусственного, современное образовательное пространство и философские проблемы образования	10
§2. Постнеклассическая реальность и процесс формирования экологического мировоззрения в пространстве современного образования	17
§3. Социокультурные способности и образовательный процесс в современную эпоху	21
§4. Творчество технических специалистов высшего звена в контексте проблемы взаимодействия техники, человека и образование	26
Часть II. Болезни человеческой природы в условиях технологической революции	34
§1. Техника, глобализирующийся мир, международная конкурентоспособность, или о том, как генералы всегда готовятся к прошедшей войне	34
§2. Техника, компьютерная этика и философия	40
§3. Сущность и содержание профилактики наркомании и наркопреступности как болезни человеческой природы в условиях техногенной цивилизации	43
Часть III. Человек, природа, творчество – философия взаимоотношений	52
§1. Творчество как мировоззренческая доминанта человека техногенной цивилизации и Природа	52
§2. Содержание и специфика творчества как особой человеческой деятельности в контексте экологической проблемы	57
§3. Творчество как путь возвращения человека к Бытию и природной назначенности	62
§4. Природа творчества и бытие языка	68
§5. Проблема чувств и разума в философии	76
§6. Красота природы и творчество в контексте проблемы экологического кризиса	83
§7. Природа, жизнь, творчество и экология души	90
§8. Жизнь как выражение красоты природы и творчество в природе как альтернатива экологическому кризису	97

ВВЕДЕНИЕ

Нашу цивилизацию все чаще называют «техногенной», имея в виду глубинные технические истоки ее развития и влияние техники на человека. Философия четко определила отличительные особенности подхода к технике: «гуманитарное и аксиологическое отношение, постановка во главу угла вопросов природы и сущности техники, ее значение для судеб нашей культуры. А также развитие наряду с общефилософскими проблемами прикладных, таких, как оценка и экспертиза технических проектов, прогнозы развития техники, вопросы инженерного образования и другие» [1, с. 19].

Одно из значимых открытий философии – демонстрация механизма превращения человека в один из видов сырья. Подчинив своей власти человека, техника угрожает кризисами: разрушением и изменением природы (экологический кризис), изменением и разрушением самого человека (антропологический кризис), а также неконтролируемыми изменениями второй и третьей природы – деятельности организаций, социальных инфраструктур (кризис развития). Более того, отношения современного человека с самой природой настолько особенны, что можно говорить о совершенно специфичной ситуации, которой ранее в истории не было, так как снято «противопоставление «естественного» и «искусственного»: природа выступает как гигантский механизм, выявить скрытые пружины которого можно только путем его разборки. Познание теперь понимается уже не как описание того, что дано в опыте, а как вмешательство в природные процессы с целью выяснить «под пыткой» их тайну, и как создание того, что сама природа создать не может. Познание понимается в рамках проективно-конструктивного отношения к миру» [2, с. 4].

Однако осознание человечеством двусмысленности положения мало способствует освобождению его от рабства техники. Почему это происходит? Возможно потому, как пишет Георг Пигт: «...не сводится ли защита окружающей среды на деле к простому сомнению – можно ли обеспечить выживание человека как вида или уже слишком поздно?» [3]. Естественные науки дают оптимистический ответ на вопрос: человечество все еще имеет шанс. Хотя, действительно, антропогенное давление на природу столь катастрофично, что сомнению не подвергается, а влияние техники на самого человека и его образ жизни не столь явно, но не менее существенно (человек зависим от производственных, транспортных, коммуникационных ритмов, их скорости, структуры). Шанс заключается в преодолении натуралистического понимания тех-

ники и формировании иной научно-инженерной картины мира, включающей понимание того, что в технике человек встречается с самим собой, со своими замыслами и идеями, выступающими в форме отчужденной технической реальности [1].

Возьмем, например, горнотехнические дисциплины, преподаваемые в высших учебных заведениях, такие, как комплексная механизация производства горных работ, вскрытие месторождений и др. Организация обучения здесь насущно нуждается в поиске подходов к формированию осознания студентами самостоятельной реальности техники, сопереживания событий сосуществования техники, человека и культуры. Культурно-исторические реконструкции взаимодействия человека и техники – метод, подводящий к пониманию творчества научно-технического демиурга как приводящего к появлению угрозы его собственного бытийного исчезновения, а также к решению практических задач, связанных с обеспечением, в частности, техники безопасности при проведении горношахтных работ.

Богатства недр – национальное достояние. От рационального объема добычи полезных ископаемых зависят могущество, национальная безопасность и процветание нашей Родины. Поэтому, как традиционно указывается в предисловиях специальных учебных пособий, «охрана недр, рачительное и комплексное их использование являются непреложным законом» [4, с. 7]. Но только ли потому важна охрана недр, что они дают человеку или стране блага? Не являются ли установки экономического характера выражением антропоцентризма, рационалистического подхода к тому самому субъекту, который в порыве душевного откровения называется нами матерью («Родина-мать», «Родная земля» и пр.)?

Вряд ли нужно упрекать авторов специальных учебных пособий для инженеров в том, что геометрия недр их интересует в первую очередь. Выявление и выражение этой геометрии с определенной степенью точности является одной из главных задач инженерно-технических специалистов маркшейдерской службы. Но необходимость этого опять диктуется только такими количественными факторами, как суммарная стоимость горных работ, безопасность шахтного ствола.

Законодательство, существующее сегодня в России, также в качестве первоочередного аспекта обозначает экономический, государственный фонд недр компетенции РФ, республик, краев, областей и т.д. в сфере регулирования отношений недропользования; основные требования по рациональному использованию и охране недр, безопасному ведению работ, ликвидации и консервации предприятий по добыче полез-

ных ископаемых. Здесь предусмотрена также система платежей при пользовании недрами и ответственность за нарушение этого Закона [5].

Конечно, формулировки законов акцентируют гуманные обязанности и действия в отношении недр. Однако сущностное содержание законов видится в отношении к недрам исключительно как объекту, служащему для удовлетворения потребностей человека. Например, в соответствии с Основами законодательства Российской Федерации о недрах, предписывается «охранять атмосферный воздух, земли, леса, воды, растительный и животный мир и другие объекты окружающей и природной среды; сохранять заповедники, памятники природы, истории и культуры, приводить земельные участки, нарушенные при пользовании недрами в безопасное состояние, а также в состояние, пригодное для использования их в народном хозяйстве» [4, с. 535–538].

Вместе с тем, размещение в недрах компонентов твердых полезных ископаемых, форма, условия залегания имеют весьма разнообразную, сложную, но вполне определенную геометрию. Заданность геометрии земных недр подсказывает мысль о наличии саморегулирующейся системы природы, где каждая из составляющих, выполняя свои функции, обеспечивает системе стабильность в целом. Когда человек разумный все более активно и агрессивно внедряется в нее с помощью механизмов и нарушает связи, природа отвечает вполне адекватными действиями. В человеческих переживаниях, эмоциональной обыденной речи события подобного рода обозначаются так: «Природа жестоко мстит человеку».

Горные работы относятся к разряду особо опасных производств. В руководящих документах по технике безопасности на шахте указывается на необходимость выполнения основного требования – глубокого осмысления условий безопасности. Причем «глубокое осмысление» направлено преимущественно на регулирование управленческих и экономических отношений в сфере геологии. Охрана жизни человека напрямую связывается, в основном, с решением этих вопросов. И хотя в составе каждого проекта горнорудного предприятия есть раздел, в котором освещаются вопросы охраны природы, зачастую он оказывается декларативным, поскольку усложняет технологический процесс необходимостью рекультивации земель, использования плодородного слоя почвы, комплексного использования минерально-сырьевых ресурсов и прочим. Это связано с экономическими затратами, которые увеличивают себестоимость продукции горнодобывающих предприятий.

Но, вероятно, глубокое осмысление и обеспечение условий безопасности подземных горных работ должно предполагать в своем объеме и иные обоснования и формулировки мероприятий безопасности.

Например, знание о феномене бифуркации, при котором возможен неоднозначный переход в новое состояние, позволяет по-новому рассматривать систему «человек–природа» при организации подземных горных работ, по-иному взглянуть на соотношение случайного и закономерного в развитии этой системы. Находясь между точками бифуркации, она закономерно, плавно эволюционирует. Ход эволюции детерминирован. Но вот вблизи точек бифуркации существенную роль играют флуктуации, определяющие путь дальнейшего развития. Скачки в точках бифуркации происходят случайным образом и потому случайно определяют последующий закономерный эволюционный этап до следующей критической точки и нового скачка.

Способность к самоорганизации проявляется в критических точках системы и не подчиняется статистическим законам. Вместе с тем, самоорганизующиеся системы способны сохранять внутреннюю устойчивость при внешних воздействиях, находят способы самосохранения, чтобы не разрушаться и даже улучшать свою структуру. В этом случае толкование катастроф (скачкообразного изменения, возникающего в виде внезапного ответа системы на плавное изменение внешних условий) как развития системы, которое протекает по единому алгоритму, присущему всей материи, и заключается в способности к самоорганизации, позволяет увидеть в них неожиданную сторону – проявление эволюции! Не всегда угодной человеку, но им провоцируемой!

Сегодня картина мира выглядит именно так и с этим нельзя не считаться. Мир, в котором мы живем, состоит из разномасштабных открытых систем, развитие которых подчиняется единому алгоритму. В его основе заложена способность материи к самоорганизации.

С другой стороны, «какова бы ни была точность определения состояния, имеется определенное время развития, после которого это определение уже не будет адекватным: по ту сторону этого горизонта понятие индивидуальной траектории теряет свой смысл. Будучи истинным горизонтом, временной горизонт хаотических систем разделяет то, что мы можем «видеть» с того места, где мы находимся, и то, что находится по ту сторону, – развитие, которое мы не можем более описывать в терминах «блуждающего поведения, присущего всем системам, характеризующимся хаотическим аттрактором. Конечно, мы можем попытаться «видеть дальше», продлить время, в течение которого мы сможем предсказать траекторию, увеличив точность ее определения и уменьшив тем самым класс систем, которые мы рассматриваем как «те же самые». Но цена, которую придется за это заплатить, быстро станет неисчислимой...» [6, с. 15].

В контексте данных размышлений напомним мнение философов, в частности, Аристотеля, который не разделяет непреодолимой чертой живую и неживую материю. Так, живые организмы контролируют состав атмосферы: поглощают или выделяют кислород, углекислый газ и другие газы. Или, например, состав морской воды во многом определяется активностью морских организмов. В современной науке под биосферой понимается «совокупность всех живых организмов вместе со средой обитания, в которую входят: вода, нижняя часть атмосферы и верхняя часть земной коры, населенная микроорганизмами» [7, с. 281]. Таким образом, выделяются два главных компонента биосферы – живые организмы и среда их обитания, которые непрерывно взаимодействуют между собой и находятся в тесном органическом единстве, образуя целостную динамическую систему.

Вместе с тем, отвечая на один из «вечных вопросов» о том, как устроен мир, пытаясь понять его, было бы слишком упрощенно представлять Вселенную в виде матрешки: меньшее существует внутри большего, а в их устройстве проявляются одни и те же правила. Реальная природа сложна и многообразна. Переход от одних масштабов к другим велик и сопровождается качественными изменениями. Поэтому, несмотря на ограниченность наших знаний о Мегамире, есть «основания утверждать, что с переходом к космическим масштабам нам нередко приходится встречаться с чем-то принципиально новым, неизвестным в земной человеческой практике» [7, с. 172].

Сегодня особую актуальность приобретают идеи древнего космизма, когда Земля воспринималась не просто как целое, как часть Космоса, находящаяся во взаимодействии с единым целым космического пространства, но как живое существо. Более того, сам Космос представлялся не как некое вместилище, пространство, но разумное существо. Космизм – своеобразная направленность мышления, умонастроение, в атмосфере которого формируются новые подходы к выработке концепции мироздания об органическом единстве всего мира, Космоса, позволяет увидеть, понять, глубоко почувствовать некорректность человеческой стратегии ставить себе на службу природные силы космического порядка.

Только в процессе формирования нового мировоззрения возможна ориентация на осознание человеком космической значимости его профессиональной деятельности. В нашем примере – специалисты в области проектирования горных машин и оборудования должны творчески подходить к пониманию того, что безопасность горного производства определяется не только физикой явлений, экономикой, но философией

дела, безжалостно внедряющегося и кромсающего с помощью техники живое тело Природы.

Таким образом, насущная необходимость осознания самостоятельной реальности техники, сопереживания событий сосуществования техники, человека и культуры, а также необходимость трансформации мировоззрения инженеров в сторону экологических императивов определила содержание данного пособия. Культурно-исторические реконструкции взаимодействия человека и техники в содержании книги помогут сосредоточиться на том, что именно в творчестве научно-технического демиурга способствовало появлению угрозы его собственного исчезновения

Список литературы

1. Розин В.М. Философия техники и культурно-исторические реконструкции развития техники // Вопросы философии. – 1996. – №3. – С. 19–28.
2. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке (материалы круглого стола) // Вопросы философии. – 2008. – №3. – С. 3–37.
3. Цит. по: Розин В.М. Философия техники и культурно-исторические реконструкции развития техники // Вопросы философии. – 1996. – №3. – С. 22.
4. Букринский В.А. Геометрия недр: Учебник для вузов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Московского государственного горного университета, 2002. – 549 с.
5. Панфилов Е.И. О путях совершенствования Российского законодательства в сфере недропользования // Маркшейдерский вестник. – 2002. – №1.
6. Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. – 1989. – №8. – С. 3–19.
7. Грушевицкая Т.Г., Садохин А.П. Концепции современного естествознания: Учеб.пособие – М.: Высш. шк., 1998. – 383 с.

ЧАСТЬ I

ПРОСТРАНСТВО ЕСТЕСТВЕННОЙ И ИСКУССТВЕННОЙ ПРИРОДЫ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

§ 1.

ТЕХНИКА КАК МИР ИСКУССТВЕННОГО, СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

1. Мир техники и онтологическая ответственность.
2. Место философии в мире рационального мышления.
3. Основные условия формирования мировоззренческой направленности личностного сознания в век научно-технического прогресса.

Быстрое развитие и широкое распространение новых образовательных технологий не только расширяет рынок сбыта образовательных услуг, повышает эффективность, увеличивает разнообразие, сложность получаемых знаний и дает прочие блага, но порождает ряд проблем. Одной из них в современном образовательном пространстве является формирование мировоззрения. Каким оно должно быть или не быть, каковы методы его формирования, возможна ли в современных условиях целенаправленность данного процесса? Сохранение в полном объеме философии и гуманитарных дисциплин в целом в содержании учебных планов учебных заведений всех уровней видится одним из условий обеспечения духовного здоровья, а значит, социальной активности наиболее энергичной части населения – молодежи.

Современное развитие информационных технологий и использование их в образовательном пространстве придает исключительную остроту проблемам, имеющим онтологический статус. Так, объективно истинными до становления постнеклассической науки считались порождающие, субстанциальные начала. Весь мир искусственного, сконструированного при этом есть неподлинное, а потому неистинное, даже нереальное [1]. Между тем, благодаря компьютерным сетям, вовлеченность в коммуникацию не просто реальна. Сегодня любой человек может использовать неограниченные хранилища практически неконтролируемой информации, а также создавать свой мир, в котором количество «ограничений в принципе продолжает неукоснительно уменьшаться»

[2, с. 19]. Таким образом, субъект образовательного пространства в ситуации роста информационной свободы вовлекается в ситуацию смысловой и этической ответственности за истину. Онтологическая ответственность констатируется постольку, поскольку субъект не пассивно постигает истину, «не просто конструирует ее, но и поддерживает ее» [2, с. 28]. Например, структура и полнота подборки тематических сайтов определяют их качество. Но разнообразный объем, тематика зависят от мотивов, которыми руководствовались их создатели. В интерактивной культуре по мере увеличения количества пользователей каноны классической культуры значительно размываются, а уровень и характер информации становятся непредсказуемыми. Можно опасаться за результаты ее воздействия, если диапазон мотивов авторов ограничится рамками эгоистического, низменного и т.д. Тем больше опасений вызывают ситуации, когда необходим мировоззренческий выбор такими социальными группами, как учащиеся школ, средних профессиональных образовательных учреждений, студенчество, так как не сложившийся, не устоявшийся подход к анализу бытийных ситуаций не снимает ответственности за сделанный выбор.

Рационализация познания, начатая Р. Декартом, сегодня приводит к устранению субъекта в познании, констатации «общего стремления познания к вытеснению витального» [3, с. 51]. Так, альтернативой живому слову лектора представляется Интернет. Более того, вопрос о том, нужны ли специалисту гуманитарные дисциплины и, в частности философия, с настойчивым постоянством возрождается, отражаясь в сокращении

аудиторной нагрузки учебных планов вузов. Должны ли мы согласиться с подобной реальией бытия?

Делает ли человека гражданином овладение специальностью?

Без сомнения, нет. Воспитание гражданственности возможно только через область дисциплин гуманитарной культуры, через живое общение. Например, философия дает представление о смысле человеческого существования, долге, свободе и ответственности. Нет необходимости пояснять, что «образование» и «обучение» категории не тождественные.

Потому образ просвещенного человека, хотя и смутно, но присутствует в сознании молодежи, поступающей в учебные заведения [4]. Именно потому, что «специальные дисциплины делают студента специалистом», а «...философия и гуманитарные дисциплины формируют в нем личность – мыслящего и ответственного творца собственной жизни»...

Человек, не приобщившийся к гуманитарной культуре, оказывается не более чем роботом, действующим по вложенной в него кем-то программе» [4, с. 22] – живое общение, как и гуманитарные дисциплины, по-прежнему должны «освящать» образовательное пространство.

Более того, пессимизм в отношении решения обозначенной проблемы представляется преждевременным, так как многомерность образовательного пространства, состоящая в высокой интенсивности дифференциации и специализации знаний, в появлении альтернативных форм обучения и так далее, в конечном счете, порождает конкуренцию между ними, то есть главную, движущую силу эволюции образования. Но разъединение – лишь одна из сторон организационных проблем образовательной среды. Неотъемлемым в ее существовании является стремление «к объединению, причем, тем большего, «чем больше стремление к разъединению» [3, с. 55], что «порождает интеграцию знаний,... при действии диады в целом продуцирует сетевую структуризацию. Побудительным же мотивом выступает стремление к сохранению целостности» [там же], а конечном итоге – к познанию.

Изучая причины и факторы, влияющие на профессиональную подготовку современных выпускников высшей школы, нельзя обойти стороной вопрос формирования мировоззрения. Учебно-воспитательный процесс напрямую связан с формированием мировоззренческой направленности личностного сознания.

Хотя структура личности в качестве объекта философско-педагогического анализа выступает как отдельно выделенное биологическое и социальное начало, ядром их согласования выступает мировоззренческая позиция. Вне всякого сомнения, индивидуальное мировоззрение – привилегия социального, мыслящего существа.

Действительно, как предельно общая форма ценностных ориентаций и систематизации знаний, мировоззрение человека выполняет в духовной жизни многозначную познавательную, ценностно-ориентационную, идеологическую роль и напрямую определяет действия личности. Однако формируется оно не только на материале изучаемой системы научных знаний, морали, искусства, права, религии, политики и других ценностно-значимых для человека фундаментальных оснований. Подчеркнем, что особую роль в формировании мировоззре-

ния играют реальные условия жизни человека, его включенность в систему образования.

Мировоззрение – призма индивидуального сознания, через которую личность воспринимает и преломляет все внешние воздействия. Как живая схема отраженного в голове человека внешнего мира и своего места в нем, мировоззрение современной молодежи содержит адекватные требованиям среды смысл и цели существования.

Вместе с тем становление новой цивилизации, развитие научно-технического прогресса выдвигают перед философией и всей педагогической практикой требование формирования сознания человека с позиций общечеловеческих ценностей, восприятия себя не только как земного, но и космического существа.

Что должно быть в основе этих ценностей? Очевидно, цели и смысл жизни человека. Другими словами, те характеристики, которые являются основными компонентами мировоззрения личности.

«Понятия «цель» и «смысл» жизни концентрируют в себе внимание личности на предельно общем уровне состояния сознания, в котором воплощаются отношения человека к миру сквозь призму его души и духовности, – отмечают В.Н. Гончаров и В.Н. Филиппов. – Душа человека – это то, как он чувствует и переживает; духовность – какие ценности он при этом утверждает. Значит, чувства, переживания, ценностные установки вместе со всем объемом усвоенных знаний формируют мировоззренческую направленность сознания» [5, с. 326]. Поэтому необходимо учить молодое поколение выживанию в экстремальных социально-экономических условиях, но одновременно включать в систему мировоззрения знания о космическом, социально-техническом, биологическом, психологическом полях существования человека.

Именно эти «поля и их полюса определяют основные противоречия существования человека, разрешение или неразрешение которых влияет на устойчивость... человека к условиям существования, а характер их разрешения – на особенности индивидуальной судьбы» [5, с. 331]. Для того чтобы путь в новую цивилизацию не превратился в путь в никуда, к процессу воспитания и образования должна прибавиться не только высшая школа, но и другие средства информации,

Быстрое развитие техники, начиная с XIX века, кардинально меняет в лучшую сторону условия жизни рядового человека. Активно расширяется общественная арена его деятельности. Эту ситуацию Ортега-и-Гассет определил как восстание масс, которое изменило цивилизацию и грозит разрушением ее тонкого слоя, впадением человечества в варварство [6].

Главная причина видится в том, что рациональность, воплотившаяся в науке и технике и ставшая основой благополучного существования масс, внушает полную уверенность в дальнейшем неистовом и неограниченном росте возможностей среднего человека. «Человек-масса», потерявший прежнюю, столь привычную и не замечаемую им, само собой разумеющуюся культуру, – делает вывод Г. В. Драч в своем исследовании работ Ортега-и-Гассета, – новой культуры, требующей постоянной рефлексии и огромной внутренней работы, не приобрел» [7, с. 45].

Что потеряно в процессе создания прикладной науки и мира техники из прежних культурных значений, обеспечивавших стабильное процветание обществу? Какая консолидирующая характеристика в ходе научно-технической революции оказалось вне его значимых интересов?

Такой онтологический фактор мы вправе искать в философских трудах античности – родине европейского рационализма. Тем более, проблема революции сознания была тогда также весьма актуальной (в связи с необходимостью перехода античного полиса от военных добродетелей к мирным). Обращаясь к работам древних философов, Г.В. Драч находит название этому фактору – «айдос», то есть стыд и порицание со стороны других. Именно они возвращают «поведение героев к норме, обеспечивая рациональную устроенность мира» [7, с. 47].

Стыд и совесть. Определяют ли они социальный выбор массового человека? Почему еще в середине XX века в безнадежной ситуации говорили кому-либо с упреком: «ни стыда, ни совести», а не наоборот? Ни потому ли, что подразумевали: если нет даже совести, не говоря уж о том, что нет стыда, то дальше спрашивать не о чем. Вероятно, «чтобы человек испытал стыд, мало позорить его; нужно еще, чтобы у него была совесть, честь, которую он боится потерять, иначе и позор ничего не даст. Стыд и позор испытывает лишь тот, у кого есть совесть» [8, с. 250]. Почему апелляция к совести сегодня не просто старомодна, почему служит своего рода доказательством беспомощности оппонента? Почему совесть и стыд перестали «жечь», «грызть», «жалить»? Что выдвигается взамен в качестве ценностей, стабилизирующих общество и личное состояние души?

Рассмотрим для примера рекламу, без которой немислимо существование современного человека и которая является своеобразным идеологическим кодом, выстраивающим систему общественных ценностей. Из общего блока проблемы рекламы выделяется аспект гендерной стереотипизации. Репрезентация женщины при этом осуществляется

однобоко, в основном с точки зрения традиционных ролей, демонстрирует ее как легко доступный объект мужского вожделения.

Если секрет рекламного дела заключается в обращении к устоявшимся «социальным шаблонам» восприятия, то почему не учесть архетип, до сих пор хранящий здоровье и целостность нашей нации, в том числе обеспечивающий материальное благополучие? Фольклорный пример говорит, чтобы заполучить Марью-царевну и полцарства в придачу Иван-царевич не одну пару железных сапог износил; терем, в котором она жила, был практически недоступен и так далее.

Предположив, что готовность стыдиться заложена генетически, легко объяснить, почему ребенок, едва научившийся ходить и разбросавший игрушки, оглядывается – не видят ли его? Однако для формирования полноценного механизма действия чувства стыда, а затем и совести нужно время.

Однако научно-технический прогресс определяет необходимость постоянного ускорения в процессе движения вперед. Удовлетворение потребности в экономии времени (это стало возможно посредством техники) становится залогом успеха человека техногенной цивилизации. Сегодня в спешке, пренебрегая законами бытия, выбираются те технологии, которые гарантируют успех немедленно, уже сейчас. Это касается любых форм деятельности современного человека, в том числе и процесса воспитания социальных чувств. Стыд и совесть стоят на пути получения удовольствия от экономии времени, потому что они отбрасываются как архаичные, отжившие, доставляющие личности отрицательные эмоции.

В своем исследовании С.Л. Соловейчик предлагает задуматься, рядовой ли является задача проведения беседы с детьми на интимную тему. С одной стороны, сообщая научные, крайне полезные сведения мы оберегаем их от опасностей, с другой – снижаем остроту стыда. И тогда вред от беседы превосходит пользу от полученных знаний.

«Охранять стыд, как охраняют природные ценности, – вот что мы должны делать для воспитания совести. ...Мы слишком верим в силу знаний и не понимаем, что во многих случаях человека может удержать от дурных поступков именно стыд, а не знание, и что всякое знание, умаляющее стыд, вредно» [8, с. 252], – вывод неизбежный для человечества в ситуации апокалиптического выбора.

Культурно-исторический опыт Европы, Запада уникален. С другой стороны, азиатские страны, в частности Россия, обращаясь к совести, стыду, размеренности как к коллективному, генетическому коду гражданской добродетели, могут способствовать предотвращению разрушительных начал технологической цивилизации.

Возможно, именно в этом заключается миссия Российской педагогической школы, интегрирующей в процессы европейской системы образования.

Уточняющие вопросы по теме

1. Есть ли место философии в мире рационального мышления?
2. Правомерно ли говорить об онтологической ответственности человека, погруженного в мир техники?
3. Назовите основные условия формирования мировоззренческой направленности личностного сознания в век научно-технического прогресса?

Список литературы

1. Павленко А.Н. Бытие у своего порога (посильные размышления). – М., 1997. – 211 с.
2. Аршинов В.И., Лебедев М. В. Постнеклассическая рациональность, виртуалистика и информационные технологии // Философские науки. – 2007. – №7. – С. 9–29.
3. Савельев А.В. Эпистемология самопознания в нейрокомпьютерной парадигме // Философия науки. – 2007. – №3(34). – С. 41–55.
4. Никифоров А.Л. Философия в системе высшего образования // Вопросы философии. – 2007. – №6. – С. 17–23.
5. Гончаров В.Н., Филиппов В.Н. Философия образования в условиях духовного обновления России. – Барнаул, 1993. – 376 с.
6. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. – 1989. – №3. – С. 119–154.
7. Драч Г.В. Культура и разум: конвергенция или дивергенция? // Вопросы философии. – 2003. – №8. – С. 37–48.
8. Соловейчик С.Л. Педагогика для всех: Книга для будущих родителей. – М.: Дет. лит., 1987. – 367 с.

§ 2.

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

1. Уникальность как качество бытия постнеклассической реальности.
2. Значимость социального поля в актуализации уже существующей или рождающейся личности.
3. Реалии экологической обыденности и технико-экономическая усталость.

Ситуация современности, где сходятся в полилоге все исторические образы, творчество и бытие личности способствуют становлению новой мысли и новой культуры. И хотя в настоящее время потерян абсолютный идеал для большинства людей (социальные нормы истолковываются по-разному, понимаются различно в силу большей личной свободы и разнообразия условий социализации), осознание ситуации отклонения от заданных социальных норм или собственных идеалов побуждает человека к поиску адекватных форм поведения. Перестав быть персоной детерминированной классической культуры, приспособившись к неоднозначности и многовариантности современного мира, личность все же приходит к выводу о значимости свойства социальной ориентированности.

Акцентируя внимание на важности в мировоззренческой основе современной цивилизации предпочтений относительно уникальности личности, отметим признание «существования *уникальности* в качестве атрибута бытия» [1, с. 87]. «Для меня, – пишет В.Н. Сагатовский, – уникальность есть исходное начало субъективной реальности, не редуцируемое к объективной реальности, определяющее изнутри направленность деятельности субъекта и характер интерпретации получаемой информации, принципиально неструктурируемое и потому необъективируемое (невыразимое общезначимыми средствами)» [1, с. 87].

Феномен уникальности интересен потому, что мировоззренческие поиски личности в мире доопределения бытия можно характеризовать следующим образом: «В мире нет основания для того, чтобы в нем рождалось новое, – говорит Ф.И. Гиренок. – Тем не менее, оно рождается, но без необходимости... Новое потому и рождается, что для него нет заранее готовых оснований и объектно-заданной сущности. Нечто впервые появляется не потому, что есть законы воспроизводства мира, а по-

тому, что есть среда и в ней возможно доопределение. Доопределяющийся мир порождает не новое, а создает среду, в которой что-то может впервые появиться из хаоса как порядок» [2]. Таким образом, мировоззренческие поиски современной личности – заданность доопределяющегося мира современности и трансформация личности, изменения представлений человека о самом себе – необходимое при этом условие.

Одним словом, интуиция, социальный опыт подсказывают личности, прорывающейся в новую реальность и отказавшейся от ранее проложенной социальной колеи, необходимость вернуться в поле социальности. Однако, чтобы остаться в рамках социальных критериев, «нужна помощь извне, расширение ситуации и сознания, поскольку сам человек может только длить свое прежнее существование. Эта помощь по своему характеру может быть самой разной..., заставляющей человека увидеть себя в ином свете, ... помогает человеку вроде бы, оставаясь самим собой, тем не менее, изменить себя, что выглядит, как возможность вытащить самого себя за волосы» [3, с. 155–156]. Другими словами, духовное рождение из «ничего» невозможно, но «с помощью других, с опорой на реальность современной жизни, которую необходимо выслушивать..., раскаиваясь в содеянном и прежней жизни, изо всех сил прорываясь к жизни подлинной» [там же], вполне реально.

Более двух тысяч лет назад Сенека писал: «Неокрепшим умам легко внушить любовь ко всему правильному и честному; да и над не слишком испорченными и податливыми истина получает право собственности, если найдет умелого ходатая» [4, с. 327–328]. Вопрос в том, имеется ли такой ходатай и как ему работать с неокрепшими умами. Таким образом, и человеку, и обществу необходимы институты, способствующие актуализации уже существующей и направляющие рождение новой личности (возможно, неоднократно).

В настоящее время остро стоит и широко обсуждается в научной общественности вопрос формирования экологического мировоззрения. Сначала указывается, что характеристика современной эпохи напрямую связана с ростом творческого потенциала человечества. Одновременно выявляется связь между творчеством и ростом экологических проблем [5], [6]. Новое мировоззрение нуждается «в выработке модели оптимального соотношения стремлений к устойчивости и созданию нового на творческом уровне» [1, с. 85]. В то же время творчество постоянно покушается на устойчивость бытия. Человек «оказывается в ситуации риска, которая имманентно включает в себя возможности и большого успеха, и трагедии» [там же]. В данном случае имеется в виду трагедия экологическая.

Сегодня рождаются новые условия, новый смысл коммуникативного образовательного пространства. Динамичные, взаимопереходящие границы современной культурной ситуации расшатывают традиционную образовательную парадигму. Требуют оперативной реакции на новое и включения ее в педагогическую деятельность. Удивляют и побуждают к включению удивления в операциональный арсенал пространства образовательной реальности.

Еще античная философия указала на связь удивления с познанием мира. Вновь обращаясь к феномену удивления, посредством которого субъект образовательного пространства будет способен обрести компетентность как гарантию выживания в непредсказуемой социокультурной реальности, современное образование выполнит и свою созидательную функцию. Философский поиск основ воспитания человека XXI века подсказывает педагогике путь отказа от антропоцентристского функционализма в сторону экологической ориентации. Согласно ей, очарование природных образов и структур должно открываться, в первую очередь, как ценность Живого. Понятно, что на сегодняшней стадии развития научно-технического прогресса исключение технико-экономических отношений человека с природой уже не представляется реальным. Однако остается возможным насытить индустриальные формы жизни связями с природой благодаря признанию ее самоценности, чувственного и духовного превосходства. Следовательно, ключевой целью с самых ранних стадий социализации, в первую очередь, становится воспитание благоговения перед Жизнью как выражения ответственности перед природой за вмешательство в нее человеческого разума.

Любовь к природе возможна лишь в случае ее сущностного, персонифицированного восприятия. Такой оценочный контакт является духовным источником одновременно и эстетического отношения к ней. Созерцание прекрасного в жизни природы снимает технико-экономическую усталость. Природа представляется здесь животворящей, полнокровной индивидуальностью, благоговение и ориентация на которую делают сознание человека чувствительным к организации индивидуальной экологической деятельности.

В то же время многообразие безобразного, наблюдение и выявление нарушений красоты форм, искажений образов, способов взаимодействия человека с природой за пределами черты городов и промышленных предприятий вызывает удивление и глубокое эмоциональное переживание непостижимости всемогущества человека и бесконечности ее терпения. Поиск таких форм, наглядное их исследование необходимы для сравнения в процессе интенсификации эстетического чувства природы. Не только поднимая человека в возвышенное состояние, но и погружая

для контраста в реалии экологической обыденности, можно пробудить духовные, творческие силы, помочь сосредоточиться на гуманных сторонах Жизни.

Уточняющие вопросы по теме

1. В чем заключается уникальность как качества бытия постнеклассической реальности?
2. Укажите основные параметры значимости социального поля в актуализации уже существующей и нарождающейся личности века технологической революции.
3. Каким образом могут быть взаимосвязаны реалии экологической обыденности и возможности снятия технико-экономической усталости?

Список литературы

1. Сагатовский В.Н. Социальная синергетика и концепция доопределения бытия // *Философские науки*. – 2007. – №6. – С. 83–104.
2. Цит. по: Сагатовский В.Н. Социальная синергетика и концепция доопределения бытия // *Философские науки*. – 2007. – №6. – С. 90.
3. Розин В.М. Как можно помыслить развитие личности? // *Философские науки*. – 2007. – №6. – С. 141–156.
4. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. – Переиздание / Перевод, послесловие и примечания С.А. Ошерова / Кемеровское кн. изд-во, 1986. – 464 с.
5. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // *Вопросы философии*. – 2003. – №8. – С. 5–17.
6. Розин В.М. Техника и социальность // *Вопросы философии*. – 2005. – №5. – С. 95–107.

§ 3.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СПОСОБНОСТИ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

1. О развитии некоторых социокультурных способностей, необходимых обществу как залог сосуществования с природой.
2. Формирование внимания как условия воспитания экологического мышления.

С процессуально-технологической стороны учебный процесс представлен последовательностью ситуаций обучения. Таким образом, система обучения – технологический процесс, через который пропускается человек. Ему свойственны определенные качества в начале. Усвоив совокупность необходимых обществу социокультурных способностей, человек выходит в конце технологической цепи преобразованным.

Зададимся вопросом о том, какие социокультурные способности необходимы обществу? Не претендуя на полноту перечня, остановимся на способности субъекта обучения к вниманию, а также на некоторых проблемах образования, которые, на наш взгляд, помогают приблизиться к пониманию трудностей организации внимания обучаемых.

Для начала задумаемся: образование или диплом (сертификат, аттестат и т.д.) как конечная цель определяют действия студента (ученика, слушателя, студента и пр.), включившего себя в технологическую цепочку образовательного процесса сегодня?

Будем исходить из того, что учение складывается из определенных действий и зависит от того, какую функцию выполняет обучаемый в педагогической ситуации (пассивного восприятия и освоения информации извне, активного самостоятельного поиска и использования информации или он находится в центре организуемого извне направленного поиска). В каждом из указанных случаев субъект обучения представлен радикально отличающимися позициями: от подражания, воспроизведения, повторения или самостоятельного поиска до творческого участия в умело направленном извне изучении, анализе, использовании источников информации.

Выбор приоритетов в области того, как организовать образование, является камнем преткновения для современного общества. Одновременно становится правилом хорошего тона ругать отечественное образование, построенное на когнитивном типе обучения, и особые надежды возлагать на теорию и опыт зарубежной системы. Напомним, что в

истории Росси космополитизм постоянно проникал во все сферы жизнедеятельности. Не исключением является день сегодняшний. Проблема здесь не в фобиях. Просто любые гипотезы, в том числе и в области педагогических технологий, имеют слабые места, критика которых может абсолютно уничтожить их положительный потенциал.

Например, гуманистическая теория Роджерса. Выстраивая ее, автор утверждает, что основой опытного типа обучения вместо устаревшего когнитивного становится отсутствие чувства неполноценности. Но почему не прав Адлер, который убедительно доказал, что именно чувство неполноценности становится для личности мощнейшим стимулом к развитию!? При этом личность вынуждена активно учиться выстраивать свои отношения в обществе на основе внимания к отношениям с окружающими людьми.

Сомнения вызывает и другое важнейшее положение концепции К. Роджерса о том, что только внимание к собственному опыту субъекта и переживаниям и убеждениям окружающих людей как критериям оценки жизненных событий приносит удовлетворение. Именно оно должно стать основой обучения. Однако, как показывает практика, при условии отсутствия когнитивного типа научения в диаде «внимание к собственным переживаниям и убеждениям и переживаниям и убеждениям окружающих людей» абсолютизируется первая часть: внимание к собственным переживаниям и убеждениям. Это вполне естественно и объяснимо положениями теории доктора З. Фрейда, не менее знаменитой, чем учение К. Роджерса.

Однако в этом случае интеллигентность как характеристика серьезности образования в России, пришедшая на смену благородству, характеризовавшему аристократическое, дворянское образование, становится символом мягкотелости, безвольности. Интеллигентность – качество абсолютно нежелательное для человека, живущего в сильном, экономически ориентированном, а потому жестоком XXI веке науки и техники. В ее основе лежит «вера в правду, порожденная разумом и образованием» [1, с. 277]. Сам интеллигент, как «человек, соединяющий в себе знания и нравственность» [1, с. 277], становится вредным атавизмом при самостоятельном стихийном выборе убеждений юным субъектом.

Для несложившегося, находящегося в стадии становления мировоззрения юношества «закон курятника» нагляднее дает реальные экономические результаты. Честь интеллигента, которая состоит в уважении разума и правды, усекается до разума в условиях системы опытного типа научения К. Роджерса. Отсутствие в образовании направляющих когнитивных координат, ориентация на необходимость удовлетво-

ряться не знаниями, а удовольствием от абсолютизации собственного жизненного опыта и муссирования чувств в итоге создают обычную ситуацию. Рядом живут сотни людей, получивших документ об образовании, бессовестных, умеющих добиться своего любой ценой, не умеющих и не желающих отказаться от цели, даже, если для ее достижения необходимо прибегнуть к сомнительным средствам, посягая на права других людей.

Не меньше вопросов вызывает положение К. Роджерса о необходимости учить людей тому, чему они готовы учиться, обосновывая обучение на естественной потребности личности к учению. Собственно нами не отрицается сам тезис. Представляется лишь необходимым учитывать национальный фактор при создании базы методик обучения. Более того, российская традиционная система организации ухода за детьми в раннем и дошкольном возрасте, в отличие от западной, предполагает созерцательный, а не динамический склад ума, а значит, наибольших результатов обучение достигнет на нашей национальной почве при условии организации созерцательности. А она без внимания невозможна.

Вместе с этим «страсть к подглядыванию», которую З. Фрейд называл основой потребности к поиску, к знанию и которая складывается как базовая фиксация на генитальной стадии психо-сексуального развития еще в дошкольном возрасте, при неправильно поставленном воспитательном процессе может просто не развиваться. А если нет потребности в знании, нет и внимания к ним! Зададимся вопросом, нужно ли непременно стремиться преодолевать естественную стыдливость, характерную для нашей ментальности, включать так называемые разговоры на запретные темы для различного рода публичных обсуждений, как это принято в западной культуре.

Необходимость реформирования системы образования направляет современный выбор педагогических методов обучения в контексте гуманизации обучения. Причем гуманизация видится панацеей в решении вопросов сегодняшней системы образования. Более того, она часто представлена как «ноу-хау» современных исследователей. Однако еще майевтика Сократа, диалоги Платона и других философов, оставленные в наследство методике образования сотни и тысячи лет тому назад, могут служить примером организации процесса обучения в соответствии современным идеям гуманизации.

Пульсирующий интерес к ним отмечается во все исторические эпохи. Приведем для примера отрывок из воспоминаний А. Фета, который упоминает слова директора гимназии, сказанные ученикам в самом начале их обучения: «Милые мои, родители ваши поместили вас сюда в надежде, что в своей школе я снабжу вас сведениями, необходимыми

для образованного человека. Главное значение школы в моих глазах не те или другие сведения, которые сами по себе большею частью являются совершенно бесполезными в жизни, а в привычке к умственному труду и способности в разнообразии жизненных явлений останавливаться на самых в данном отношении существенных» [2, с. 121].

Но возможно ли сформировать привычку к умственному труду без внимания. Как правило, понимая под вниманием психический процесс, обеспечивающий как сторожевой пес мышление обучающихся, мы говорим о его произвольности (непроизвольности), методике формирования и прочих моментах педагогического процесса. Вместе с тем, сущность внимания связана с основами бытия. Так, предрасположенность к вниманию является одним из факторов социального отбора, оно способствует успешной социальной адаптации.

Но часто ли мы обращаемся к сущности самих слов. Внимание, знание, понимание, знать, внимать – слова из одного источника. Сущность их в отношениях «Я – Тебе». Знание, которое человечество с усилием пытается постичь, в идеалистической онтологии изначально признается существующим до человека. Но это Слово нужно услышать. Молчное Слово, музыка космических сфер только тогда и слышны, когда им внимают.

Человеческое слово также нужно научиться слышать. Когда, где и кто этому будет учить? Вероятно, «детоводитель» необходим как имеющий знания и большой опыт бытийных связей сосуществования с другими. Здесь в полный рост возникает вопрос о личности педагога. На наш взгляд, спекуляции с категориями «преподавание» и «учение» в контексте парадигмы гуманистического обучения, где предпочтение отдается «учению», но не «преподаванию» (К. Роджерс) – недопустимы.

С середины семидесятых годов обнаружилась опасная тенденция снижения интереса обучающихся к занятиям, отсутствие внимания в процессе обучения. Педагоги пытаются остановить отчуждение субъекта обучения от познавательного труда так называемыми нестандартными уроками, главная цель которых возбудить и удержать интерес учащихся к умственному, учебному труду. Существует несколько десятков типов нестандартных уроков. В работе В.В. Гузеева «Образовательная технология: от приема до философии» предложена матрица, с помощью которой можно рассчитать разнообразие методов и форм нестандартного обучения. Они больше нравятся учащимся, отличаясь от будничных учебных занятий нестрогой структурой и неустановленным режимом. Но вместе с тем, на наш взгляд, они же отличаются большой потерей времени, отсутствием познавательного труда и невысокой результативностью.

Обращаясь к сущности слова «занятие», вновь видим «Я – Тебе». Слово «занятие» отличается от слова «урок», в частности тем, что на занятии **я тебе** даю знания. Под словом «урок» еще в начале XX столетия понималось самостоятельное выполнение учеником данного учителем задания («Я задаю тебе урок и проверю, как ты его сделаешь»). Занятие, будучи формой обучения, внешне выражается согласованной деятельностью учителя и учащихся, осуществляемой в определенном порядке и режиме. Этот порядок и согласованность определяют во многом как способность учителя удерживать внимание учеников, так и способность самих учеников быть внимательными. Классическое занятие – это своеобразный тренинг внимания учеников, и представляется преждевременной попытка отказа от него.

Формула эффективности использования занятий как тренинга внимания видится по-прежнему включающей тщательность его подготовки и мастерство проведения. Но это уже вопрос из области отбора и подготовки педагогических кадров.

Уточняющие вопросы по теме

Существуют ли социокультурные способности, служащие условием сохранения экологического мышления человека?

Список литературы

1. Соловейчик С.Л. Педагогика для всех: книга для будущих родителей. – М.: Дет. Лит., 1987. – 367 с.
2. Фет А. Воспоминания. / Предисл. Д. Благого. Сост. и прим А. Тархова. – М.: Правда, 1983. – 496 с.

§ 4.

ТВОРЧЕСТВО ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ВЫСШЕГО ЗВЕНА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТЕХНИКИ И ЧЕЛОВЕКА И ОБРАЗОВАНИЕ

1. Краткий экскурс в историю инженерного образования.
2. Содержание некоторых проблем современного инженерного образования.
3. Онтологические предпосылки активизации творчества в инженерной среде.

Исторический подход к институционализации высшего образования демонстрирует наличие в системе образования двух противоречивых начал – гуманитарного и технического. В далеком прошлом образование получали в большинстве своем лишь дворяне. Система гуманитарных предметов предназначалась для воспитания чувств, человеческого в человеке. Обширные знания в этой области предполагали в то же время знание математических формул и правил. Таким образом, элитное образование объединяло в себе чувственное и рациональное начало субъекта.

Философы, используя исторический подход к познанию системы образования, выделяют в ее формировании как целостной системы этапы. Например, А.В. Кооп называет следующие периоды: первый связан с потребностями рабовладельческого и феодального общества и характеризуется элитарностью системы образования; второй период определен потребностями общественного производства и диктует создание единой целостной системы образования; третий период указывает на возможность создания единой общегосударственной, «относительно целостной системы образования» [1, с. 34]. А.В. Кооп также указывает на необходимость массовой подготовки специальных кадров, «агентов профессиональной деятельности» [1, с. 13] в условиях развития материально-технического производства и развития естественных наук. Первоначально функции инженера вытекали из необходимости ремонта и контроля техники. Сегодня инженер – составляющая мощной машинной индустрии. Поэтому значимость высшего технического образования декларируется на общегосударственном уровне, где определяются стратегические линии его развития и стандарты качества [2], [3]. Мирозренческие основания философской теории качества образования изу-

чаются многими учеными и помогают понять особенности системы образования, в том числе высших технических кадров.

В целом, авторы указывают, что высшее техническое образование возникло в связи с необходимостью подготовки слуг для машинного производства и направлено на изучение, прежде всего, цикла технических дисциплин. Сегодня оно побуждается развитием машинной техники к углублению профессиональной специализации инженерных кадров.

Кроме того, исследователи замечают: являясь результатом исторического процесса, инженерная деятельность и инженерное образование не должны рассматриваться вне общественного развития. Они есть часть социальной системы – система в системе [4].

Сегодня отмечается падение престижа инженерных специальностей. Выявляя причины этого, философы, прежде всего, говорят о тенденции к чрезмерной увлеченности производственников содержанием труда и отсутствии возможности творческой реализации через подобный труд [5], [6].

Высшее техническое образование как открытая неравновесная система, являясь частью более глобальной, общественной системы, реагирует на внешние потребности. Трансформация образовательного пространства технических вузов сегодня очевидна. Экономические, материальные причины вынуждают их выполнять программы гуманитарного профиля, открывая так называемые модные специальности. Как отмечают Г.П. Турмов и О.А. Жучков, в последние годы в нашей стране реализуют программу технических вузов только 37 % из них [7].

На наш взгляд, «институты, культивирующие разум и образование» [7, с. 43], испытывают внешнее давление, объясняемое причинами не только экономического порядка. Обратимся к размышлениям Г.В. Драч. Анализируя работы предшественников, автор замечает: «Современное образование У. Бек сравнивает с призрачным вокзалом: государственные чиновники с серьезным видом продают здесь билет в никуда. Таким выглядит специальное образование без занятости» [7, с. 43]. Между тем, выпускники гуманитарных вузов в этой ситуации оказались адекватнее: в условиях «дикого рынка» быстрее технических специалистов находили себе рабочее место. Данное самоопределение возможно лишь при условии более мощного внутреннего потенциала, основательной общечеловеческой базы подготовки в гуманитарных вузах. Представляется, что ее частью является доступность творческой самореализации, которая имеет широкий спектр в образовательном пространстве гуманитарного образования. Достаточно упомянуть о том, что специфика той и другой области знания не могла не ска-

заться на способе, каким это знание транслируется, на особенностях образовательного пространства: вспомним знаменитые диалоги Сократа, беседы с любимыми учениками классиков античной философии в саду и на берегу Эгейского моря. Понятно, что изучение, например, процессов формообразования и металлорежущих инструментов нуждается в особой дидактической обстановке, отличающейся от процесса гуманитарного образования. Процесс получения профессиональных знаний гуманитариями, в той или иной мере, имеет эстетичную форму, несет в себе развитие культурных, нравственных, человеческих начал и способностей. Дисциплины, изучаемые техническими специалистами, связаны, прежде всего, с неживой материей, ее структурой и законами, что является одной из причин отчуждения личности студента в процессе его обучения [8].

Перечисленное – естественно. Инженер на производстве в первую очередь должен знать и абсолютно точно, как, при каких условиях и какой (например) выливается металл; что значит «довести до белого каления» (не в переносном смысле). Без знания точной температуры данного состояния металла невозможно получить качественное изделие. Более того, сегодняшнему миру угрожают неминуемые техногенные катастрофы в случае ошибки оператора. Мы имеем достаточно печальных примеров этого. Один из них – авария на Чернобыльской АЭС!

Тем не менее, система образования на определенной стадии своего развития выделила техническое образование как самостоятельное явление. Сегодня бытийно необходима его трансформация в сторону гуманитаризации и гуманизации. Кроме того, также важно создать условия для творческой самореализации технического специалиста еще на стадии обучения.

Следует отметить, что данная традиция характерна для истории российского высшего технического образования. О стимулирующей роли знаний, проникающих в сферу чувств и побуждающих его к активной деятельности, замечательно сказал Ю. Нагибин. Речь идет о знаниях не сугубо профессиональных, а в широком культурном классическом смысле: «С отменой классического образования если и не вовсе погаснет, то поблекнет скорбно русская интеллигенция» [9, с. 406].

О нарушении традиций русской высшей технической школы в век научно-технической революции напоминают и известные философы. Так, В.В. Шахгильдян отмечает: «Создавая нынешнее высшее образование, мы, по сути, нарушили те традиции, которые существовали в высшей школе России, превратив его в процесс получения определенных профессиональных навыков. ...Вопросы нравственности, гуманизации при этом отходили на задний план» [10, с. 19]. В полном согласии

с ним по отношению к проблеме Н. Карлов: «Для русского инженера всегда была характерна настоящая широта интересов, но мы, к сожалению, все чаще об этом забываем, вводя нынешних инженеров в строгие рамки специализации» [11, с. 18].

Широкий кругозор, общая культура повышает мобильность инженера. Традиционное запаздывание программ технических вузов, обусловленное скоростью НТП, приводит к необходимости постоянного обновления знаний. Инженер, получивший широкую гуманитарную подготовку, будет более адаптивен к условиям, предъявляемым к нему НТР.

Представляется, что становление технического специалиста-профессионала осуществляется, прежде всего, благодаря творческому потенциалу в профессиональных областях, который закладывается через гуманитаризацию и гуманизацию в целом высшего технического образования.

О том, что нет творческих и нетворческих специальностей, пишут многие исследователи. Причем нетворческим или творческим может быть отношение к любому делу, у любого специалиста. Так в работе И.Б. Чубайса мы находим весьма интересное, в контексте нашего исследования, утверждение: «...творческим не может быть занятие, которое не любишь» [12, с. 67]. И далее: «...можно утверждать, что...любовь и творчество, в сущности, являются синонима. Творить, значит не холодно... описывать анализируемое явление..., но быть...способным сливаться с ним, то есть мыслить и чувствовать как изучаемое, превращать в себя то, что ты исследуешь» [там же, с. 66]. Другими словами, через любовь (творчество) к своему делу достигается самореализация субъекта. Любовь (или творчество) видятся здесь как проявление слитых неразрывно мыслей и чувств специалиста.

Отметим, что парадокс человечества в том и состоит: имея знания, используя технический и научный опыт предыдущих поколений, оно пренебрежительно относится к нравственному и духовному опыту. Эта снисходительность обходится дорого и оборачивается глобальными катастрофами.

В обобщенном виде проблема гуманизации высшего технического образования и актуализации творческого потенциала студентов технических вузов может быть представлена словами Ю. Железнова: «Думаю, что вопрос о гуманизации инженерного образования поставлен исключительно своевременно» [13, с. 19]. О первоочередности гуманизации технического образования говорит В.В. Шахгильдян: «Есть и другие негуманитарные профессии, но гуманизировать, на мой взгляд, в первую очередь нужно именно инженерное образование» [10, с. 19].

И.Т. Фролов замечает: «Нет естественно-технических наук, свободных от ценностей» [14, с. 89].

Без сомнения, фундаментальные профессиональные знания – цель, которую студент преследует в процессе всего обучения. Однако, в связи с требованиями прогресса, функция профессионализации высшего образования дополняется необходимостью формирования личности специалиста, потому необходимым дополнением функциям высшего технического образования является гуманизация, а значит, создание возможностей для раскрытия творческого потенциала будущего специалиста.

Кроме того, ведущие специалисты в области университетского образования изменения философии образования связывают с ноосферными поисками В.И. Вернадского. Технический специалист (тем более – высшей школы) должен, как и гуманитарий, располагать знанием, открытым нам В.И. Вернадским, о том, что «организм есть часть большого механизма – земной коры, неразрывно и теснейшим образом с ним связанная» [15, с. 214]; что существует принцип «единства всех людей как закон природы» [16, с. 148] и идти против него, значит, быть наказанным природой.

Так называемая перестройка биосферы [16, с. 148], в которой такими активными участниками являются инженеры, есть не только результат самодостаточной антропогенной деятельности и ума человека. Но это итог закономерного течения исторического процесса. Инженер как составная часть этой системы есть не просто мощная геологическая сила, но и тот, кто должен перестраивать биосферу «в интересах свободно целого» [16, с. 148] и в соответствии с объективными фундаментальными представлениями о справедливости. Именно это состояние биосферы В.И. Вернадский назвал ноосферой [16, с. 148].

Фундаментальные знания технического специалиста высшего звена как представителя ноосферы, крупнейшей геологической силы, который перестраивает трудом и мыслью свою жизнь, должны опираться на открывающиеся перед ним «все более и более широкие творческие возможности» [16, с. 149]. Таким образом, В.И. Вернадский, говоря об историческом процессе и его законах, о новом состоянии биосферы, «к которому мы, не замечая этого, приближаемся» (как одном из проявлений этого закона) [16, с. 148], указывает на онтологическую неизбежность творчества в деятельности человека.

Относительно науки он указал без обиняков: «С начала XX в. наблюдается исключительное явление в ходе научной мысли. Темп его становится совершенно необычным, небывалым в ходе многих столе-

тий. Одиннадцать лет назад я приравнивал его к взрыву – взрыву научного творчества» [16, с. 196].

Положения В.И. Вернадского о ноосфере и биосфере приводят нас к мысли о том, что фундаментальные научные знания технических специалистов не являются исключением из общего закона о взрыве научного творчества. Необходимо катализировать этот процесс: он не может «остановиться и пойти назад. Он может только замедлиться в своем темпе» [16, с. 197]). В этом задача образования. Конечно, гуманитарии – полноправные участники этого онтологически неизбежного явления. Однако, как нам представляется, в первую очередь это имеет отношение к высшему техническому образованию. Материально-энергетические связи с биосферой технических специалистов более тесные, чем у гуманитариев. Это и есть новейшая онтологическая посылка к активизации творчества, в первую очередь, в их среде.

Основное оружие социальной деятельности гуманитариев – это слово. Способ воздействия технически вооруженного специалиста – непосредственная деятельность с помощью разнообразных устройств. Она всегда наглядна, материальна. Профессиональным педагогам известен классический тезис о том, что результаты своего труда (хорошего или плохого) он чаще всего видит много позднее. Для этого нужна жизнь примерно одного поколения. Подобная бомба замедленного действия опасна тем, что качество воспитания и обучения необязательно бывает хорошим. Значит, если мы плохо воспитываем и обучаем специалиста-гуманитария, то его мировоззренческие программы дадут о себе знать через десять-пятнадцать лет. Однако если здесь человечество получает отсрочку, то последствия непосредственных воздействий на природу плохо воспитанного технического специалиста не заставят себя ждать. Потому его мировоззренческая подготовка уже сейчас вдвойне важна. Тем более что мировоззренческие установки малоподвижны: перевоспитывать всегда труднее, чем воспитывать.

Процесс формирования мировоззрения студента технического вуза противоречив. Это сказывается, в частности, на том, что с техногенными возможностями студент технического вуза «сживается» немедленно, а вот мировоззренческий выбор, как хорошее вино, нуждается в выдержке, во времени для брожения.

Наконец, не следует забывать онтологическую причину появления техники и технического образования как следствия этого. Материальное производство только тогда имеет смысл, когда оно нужно человеку. С исчезновением человечества – исчезает и потребность в пище, еде, одежде. Их производство есть необходимое условие поддержания энергетического баланса в теле человека. Поэтому человеческое в тех-

ническом специалисте, каким бы он ни был великолепным профессионалом, остается главной детерминантой образования.

Таким образом, настоящий специалист высшей школы – это не просто человек, в совершенстве овладевший своим ремеслом, профессией. Он должен быть, прежде всего, творческой личностью. Поэтому одним из критериев качества образования, получаемого в высшей школе, должна быть способность выпускника к творческим, нестандартным решениям.

Уточняющие вопросы по теме

Зачем инженеру и специалисту негуманитарного профиля овладение гуманитарным опытом всего человечества, философией?

Список литературы

1. Кооп А.В. Образование и социализм. – Таллин.: Ээсти рама, 1983. – 170 с.
2. О совершенствовании структуры и содержания инженерного образования: Приказ М-ва образования Рос. Федерации от 8.07.1999 г. – №70 // Бюл. М-ва образования Российской Федерации высшего и специального образования. – 1999. – №9. – С. 5–7.
3. Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы // О реформе общеобразовательной школы. – М., 1984. – С. 46–47.
4. Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. – Новосибирск: Наука, 1981. – 304 с.
5. Малышев Н.Г. Проект ЮНЕСКО и Министерства образования «Всемирный технологический университет» // Проблемы и практика инженерного образования: Тр. IV Международной научно-практической конференции. 14–17 марта 2000. – Томск, 2000. – С. 13–15.
6. Рубанцова Т.А. Гуманитаризация высшего технического образования (философско-социологический аспект): Дис...канд. филос. наук. – Томск, 1988. – 191 с.
7. Драч Г.В. Культура и разум: конвергенция или дивергенция // Вопросы философии. – №8. – 2003. – С. 37–48.
8. Рубанов В.Г. О некоторых вопросах преодоления отчуждения в формировании личности специалиста в вузе // Роль гуманизации образования в развитии духовной культуры личности: Тез. докл. регион. конф. 7–10 июня 1990 г. – Томск, 1990.

9. Нагибин Ю. Царскосельское утро. – М.: Советский писатель, 1983. – 406 с.
10. Шахгильдян В.В. Несколько мнений о гуманитаризации // Вестник высшей школы. – 1990. – № 12.
11. Карлов Н. Гуманизация и гуманитаризация образования // Вестник высшей школы. – 1990. – № 12.
12. Чубас И.Б. Любовь, история, свобода // Вопросы философии. – 2003. – № 8. – С. 64–72.
13. Железнов Ю. Несколько мнений о гуманитаризации // Вестник высшей школы. – 1990. – № 12.
14. Фролов И.Т. Перспективы человека: опыт комплексной постановки. – М.: Политиздат, 1983. – 350 с.
15. Вернадский В.В. Живое вещество. – М.: Наука, 1978. – 358 с.
16. Вернадский В.В. Биосфера и ноосфера. – М.: Наука, 1978. – 358 с.

ЧАСТЬ II

БОЛЕЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

§ 1.

ТЕХНИКА, ГЛОБАЛИЗИРУЮЩИЙСЯ МИР, МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ, ИЛИ О ТОМ, КАК ГЕНЕРАЛЫ ВСЕГДА ГОТОВЯТСЯ К ПРОШЕДШЕЙ ВОЙНЕ

1. О некоторых аспектах пограничности современной исторической ситуации.
2. Философия войны и русский космизм Н. Федорова.

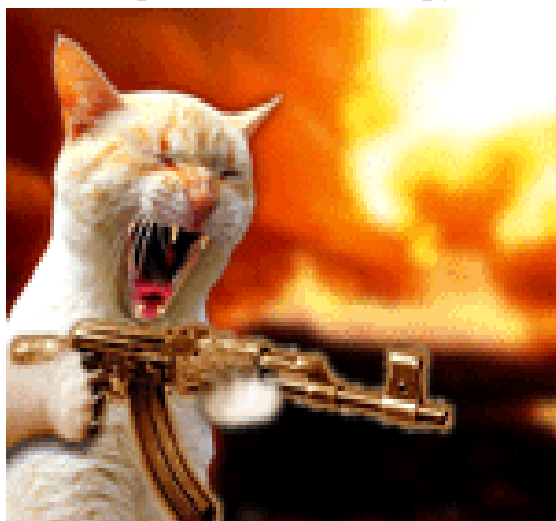
В истории человечества мудрость оказывается часто невостребованной. Впрочем, аналогична судьба известного афоризма, упоминаемого в заглавии статьи.

Действительно, «несмотря на осознание новых опасностей в деле защиты национальных интересов и обеспечения национальной безопасности, руководители многих государств продолжают всецело полагаться на традиционные средства и методы ведения войны, которые пригодны против традиционных армий противника в лице конкретного государства» [1, с. 21].

Прежде всего, имеется в виду создание новых совершенных видов вооружений, которые предполагается применять, следуя принципу дихотомического деления мира на своих и чужих. Техническая перевооруженность армии, таким образом, – перманентная необходимость в противостоянии сил.

Вместе с тем человечество осознало принципиальную новизну, пограничность исторической ситуации, в которой оказалось. Она заключается в «переломности и явной антиномичности, в том, что она делает реальными и актуальными как возможность дальнейшего поступательного развития человечества, так и возможность его общей гибели... Проблематичной становится непрерывность истории, ранее казавшейся если не очевидной, то более устойчивой данностью» [2, с. 95].

Хрупкость человеческого мира усиливается не только по причине многократности разрушительной мощи вооружений, но и в результате невиданных по масштабу катастроф технологического происхождения. Например, нанотехнологии предвещают появление оружия, которое, «сохранив потенциал тотальной деструктивности, эквивалентный потенциалу ядерного оружия, обещает быть существенно более доступным и экономичным, динамичным и мобильным. А также более изощренным, скрытым, избирательным, затрудняющим режим нераспространения, способствующим радикальному и труднопрогнозируемому изменению баланса сил» [3, с. 103]. Информационно-телекоммуникационная революция в условиях глобализации, в свою очередь, актуализирует в геометрической прогрессии вероятность выведенного Т. Гоббсом постулата *bellum omnium contra omnes* (война всех против всех). Так, например, символическое насилие, конституирующееся через речь, заставляет людей видеть и верить в то, что доминирующий класс предлагает в виде категорий очевидности. При этом насилие не трактуется адресатами как таковое, поскольку «только в этом случае оно будет действительно эффективным» [4, с. 49]. Следовательно, для легитимизации военной кампании становится достаточным определить «неудобный режим в негативных, противоположных «правильному» вокабулятору терминах, как, например, «диктатура», «нарушающий права человека» и т.д. [там же].

В рамках глобализирующегося мира с целью обеспечения международной конкурентоспособности все возрастающую актуальность приобретают новейшие виды «войн», такие, как экономическая, торговая, экологическая и т.д. Феномен, названный «мягкой силой» и представленный научным знанием, информацией и технологическим опытом, становится для целей безопасности тем, чем раньше были арсеналы оружия и вооруженные силы. Парадоксальность ситуации, как отмечают исследователи, состоит в том, что уязвимость того или иного государства сегодня прямо пропорциональна уровню его технологического развития. Кибервторжение и выведение из строя управленческих и иных структур чревато катастрофическими последствиями. Другими словами, более слабые с экономической и военной точки зрения субъек-

ты мировой политики способны нанести ощутимый ущерб более сильным противникам через Интернет и другие достижения технологического прогресса [1].

Сущностной характеристикой современного мирового сообщества стала многовекторная ориентация внешней политики. Разными субъектами мировой политики принимаются решения, противоречащие друг другу. При этом немаловажное значение имеет факт роста разрушительного потенциала международной политики в лице США. После второй мировой войны «Америка показала себя самой агрессивной державой из всех без исключения великих держав современного мира» [1, с. 15]. Как пишет Плимак Е.Г.: «О заботе США об «общих судьбах человечества» говорит их отказ подписать Киотские соглашения, призванные спасти мир от экологической катастрофы. А военное вторжение США в Ирак в 2003 г. уже принесло стране не стабильную «демократию», а гражданскую войну» [5, с. 15].

Тот же автор указывает на новые источники войн в современном мире, как результат дисгармонии социального развития: международный терроризм и рост влияния экстремистских религиозных организаций, вознамерившихся «перекроить» мир [там же].

Связь обозначенных проблем с уроками 1941–1945 годов и философией несомненна. Дальнейшая судьба человечества в его руках. Обращаясь в итоге к динамической антропологии Н. Федорова, образующей основу его «практической философии», где важнейшей категорией является братство, долг сыновей перед отцами, альтруизм, заметим, что тема «братства» актуальна и в наши дни.

Мир ищет способ отказаться от войн и насилия. Долг сыновей перед отцами должен быть дополнен долгом отцов пред сыновьями. То есть отцы обязаны оставить потомкам не искореженную землю, а ухоженный и пригодный для нормального обитания дом. Потому нужно жить, по мысли Федорова, «не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех» [6, с. 154].

Мир, свободный от войн и конфликтов, – идеал, проповедующийся лучшими представителями человечества. Так, падение 9 ноября 1989 года Берлинской стены предполагало наступление периода гармонии и порядка. Однако реальности современного мира в очередной раз опровергают подобные надежды [1].

История предстает как непрерывная череда войн племен, народов, кланов и т.д. Возможно ли принятие правил, обеспечивающих мир? Существуют ли законы, способные его поддерживать? Проанализируем один из таких законов.

Объективные природные условия в значительной мере обуславливают трансисторическую структуру общества, являющуюся его каркасом. Подобные структуры формируются в критической ситуации как механизм нейтрализации отрицательного воздействия окружающей среды, создающей чрезмерные проблемы для выживания социума, тормозящий материально-техническое, экономическое и социальное развитие общества. Социоестественные процессы в российском государстве всегда оказывают большое опосредованное влияние на его внутреннюю и внешнюю политику.

В частности, военная безопасность требует значительных материальных затрат и людских ресурсов. Так, С.М. Соловьев писал: «...Бедный, разбросанный на огромных пространствах, народ должен был постоянно с невероятным трудом собирать свои силы, отдавать последнюю тяжело добытую копейку, чтобы избавиться от врагов, грозивших со всех сторон, чтобы сохранить главное благо – народную независимость. Бедная средствами, сельская, земледельческая страна должна была содержать большое войско» [7, с. 16]. Защищая суверенитет, Россия всегда уделяла особое внимание военному аспекту, поскольку контролировать громадное пространство без сильной армии невозможно. Более того, системная милитаризация государства и общества становилась неизбежной из-за перманентных войн. Например, «в XVII в Россия воевала 48 лет, в XVIII в. – 56 лет) [там же], а «военная мобилизация была формой исторического бытия русского народа» [8].

В условиях аграрного хозяйства проблема безопасности страны решалась за счет общества, прежде всего – крестьянства. При низкой производительности сельского хозяйства в стране господствующий класс создавал «жесткие рычаги государственного механизма, направленные на изъятие той доли совокупного прибавочного продукта, которая шла на потребности развития самого государства, господствующего класса, общества в целом. Именно отсюда идет многовековая традиция деспотической власти российского самодержца, отсюда идут, в конечном счете, и истоки крепостного права в России, суровость которого не имела аналогов в мире» [7, с. 17].

Трансисторические структуры, будучи метастабильной социальной структурой, существующей в контексте длительной временной протяженности и периодически претерпевающие определенные изменения, однако, в целом сохраняют свое изначальное функциональное качество. Такими структурами в России являются «империя, милитаризм, православие, автократия, экстенсивная экономика, коллективизм, редиистрибуция и т.д.» [4, с. 15]. Их развитие подталкивается суровыми климатическими условиями.

Исследователи указывают, что процесс формирования трансисторических структур сложен и длителен, испытывает нелинейное воздействие факторов внутренней и внешней среды. В суровых природных условиях социум вынужден играть относительно скромную роль, ограничиваясь пассивной реакцией на цепь критических событий в окружающей среде. Попадая в критическую ситуацию под давлением объективных обстоятельств, общество имеет весьма ограниченный диапазон средств принятия эффективного стратегического решения. Выбор стратегии многократно осложняется тем, что на геополитической сцене действуют силы, превосходящие возможности социума. Поэтому его долговременная стратегия должна соответствовать требованиям окружения, которые исторически варьируют, в целом оставаясь стабильными. Окружающая среда, таким образом, подталкивает социум в определенном направлении, стимулируя в нем формирование трансисторических структур, соразмерных с внешним вызовом [8].

Трансисторические структуры – продукт ситуации, развивающейся в контексте длительной временной протяженности. Ревалентные вызову рискованной геополитической среды, они обеспечивают выживание социума, имеющего ограниченные экономические ресурсы, ценой его будущей стагнации. Кроме того, они адекватно сопряжены с общественно-политической ситуацией, и поэтому в исторической перспективе сохраняют функциональное единство, несмотря на спонтанные, социальные флуктуации. В конечном счете, трансисторические структуры выступают как долговременный макросоциальный механизм, компенсирующий отрицательное воздействие внешней среды.

Так, внешнее военное давление формирует черты, структуры и формы государства на стадии его генезиса, и его изначальный архетип отражает структурные и функциональные характеристики военно-исторической ситуации. Иными словами, если социум занимает большое геополитическое пространство, он станет объектом экспансии соседних стран и народов. При давлении внешних сил социум должен обязательно обрести иерархию, сходную с военной организацией. В противном случае, он будет уничтожен геополитическими врагами [8].

Именно поэтому в российском социуме, в том числе и в СССР, центральную роль играет монархическая структура с сильной авторитарной властью, способной гарантировать ему относительную геополитическую безопасность. Реализовать стратегию социально-политического выживания социума в жесткой геополитической среде, по-видимому, можно только с помощью трансисторических структур (например, авторитаризма и империи).

История мобилизации сил СССР на борьбу с внешним врагом в Великой Отечественной войне показывает, как социум, сталкиваясь с вызовами внешней среды, всякий раз репродуцирует свою институциональную макроструктуру, адекватную императиву выживания.

Таким образом, «несмотря на внешние риски и угрозы, трансисторические структуры гарантируют обществу сравнительно безопасное историческое существование» [8, с. 16].

Уточняющие вопросы по теме

1. Укажите основные аспекты пограничности современной исторической ситуации.
2. Возможна ли альтернатива миру войн и насилия в век технического прогресса?

Список литературы

1. Гаджиев К.С. Размышления о тотализации войны: политико-философский аспект // Вопросы философии. – 2007. – №8. – С. 3–22.
2. Замошкин Ю.А. Идеал ядерного разоружения и проблема его реализации // Вопросы философии. – 1988. – №1. – С. 85–96.
3. Комлева Е. Феномен ядерной энергии и пространство символических форм // Философия науки. – 2008. – №3(38). – С. 77–115.
4. Кармодонов О.А. Глобализация и символическая власть // Вопросы философии. – 2005. – №5. – С. 47–56.
5. Плимак Е.Г. Великий День Победы 9 Мая 1945 года (О решающей роли СССР в разгроме гитлеровской Германии) // Вопросы философии. – 2005. – №5. – С. 3–15.
6. Цит. по: Длугач Т.Б. М. Хагемайстер. Николай Федоров. Жизненный путь, труды, влияние // Вопросы философии. – 1991. – №4. – С. 153–157.
7. Цит. по: Ельчанинов М.С. Природная среда и модернизация России // Социологические исследования. – 2007. – №8. – С. 12–18.
8. Ельчанинов М.С. Природная среда и модернизация России // Социологические исследования. – 2007. – №8. – С. 12–18.

§ 2.

ТЕХНИКА, КОМПЬЮТЕРНАЯ ЭТИКА И ФИЛОСОФИЯ

1. Некоторые истоки компьютерной этики.
2. Практическая значимость компьютерно-этических исследований.

Статус компьютерной этики как направления философских исследований определяется тем обстоятельством, что этические аспекты компьютеризации оказываются в сфере интересов профессиональных философов. Ученые стремятся привлечь внимание к вопросам этической регуляции технического прогресса. В частности, на начальных стадиях формирования компьютерной этики отчетливо звучали мотивы этически допустимых пределов применения компьютеров и уподобления человека машине [1]. Оформление философской составляющей компьютерной этики ознаменовалось выходом в свет в 1985г. специального выпуска американского журнала «Метафилософия», а также антологии «Этические вопросы в использовании компьютеров» [2] и монографии «Компьютерная этика» [3]. Постепенно проблемы компьютерной этики вышли далеко за пределы вопроса об этически допустимых пределах применимости компьютеров. Сегодня проблематика этих исследований охватывает, в частности, вопросы ответственности за неполадки в работе программного обеспечения, условия доступа к частной информации, накапливаемой в базах данных, процессы централизации и децентрализации власти в компьютерную эпоху, этические аспекты интеллектуальной собственности и коммерческой тайны [1], [4].

В компьютерной этике обсуждаются проблемы не только собственно этического, но и социального и политического характера. Одна из них – новое неравенство. Важная составляющая темы информационного неравенства, не сводимая к собственно проблеме цифрового разрыва, – так называемый информационный империализм, когда развитие информационно-компьютерных, в том числе сетевых, технологий открыло новые

возможности для навязывания более мощными в технологическом отношении субъектами потребительских предпочтений и вкусов более слабым. Это дало повод говорить о возросших опасностях конфликтов ценностей и норм, характерных для различных национальных культур [1].

Компьютеризация способна повлечь за собой и другие изменения в сознании и мышлении. Сегодня общее признание получило положение о том, что «машинная картина мира, формируемая в ходе общения с компьютером, заслоняет реальную картину мира. Общение с машиной приводит к обеднению число человеческих форм общения, ... оказывает тормозящее воздействие на образное мышление» [4, с. 149]. Исследователи замечают, что компьютер, будучи реальным помощником и универсальным средством обработки текстов, неизбежно способствует универсализации языковых средств выражения. Это может привести к «неконтролируемому процессу компьютерной рационализации человеческого мышления. ... Проявлением данного типа рационализма может стать потеря человеком способности диалектического восприятия мира и снижения его интуитивных возможностей» [5, с. 28], которые до сих пор позволяли «понимать сущность явления в условиях эмпирической неполноты» [там же].

Таким образом, практическая значимость компьютерно-этических исследований определяется их конечной целью – выработкой линии поведения человека в отношении техники. Однако при всем разнообразии этико-аксиологических понятий ключевыми категориями здесь являются «ответственность» и «право».

Уточняющие вопросы по теме

1. Расскажите об истоках компьютерной этики.
2. В чем заключается практическая значимость компьютерно-этических исследований?

Список литературы

1. Алексеева Ю.И., Шклярник Е.Н. Что такое компьютерная этика? // Вопросы философии. – 2007. – №9. – С. 60–72.
2. Ethical Issues in the Use of Computers / Ed. by D.G. Johnson and J.W. Snapper. Belmont, Cal., 1985.
3. Johnson D. Computer Ethics. N.J., 1985.

4. Гаазе–Рапопорт М.Е. Некоторые социальные и социально-психологические проблемы компьютеризации // Вопросы философии. – 1988. – №7. – С. 141–151.
5. Миронов В.В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // Вопросы философии. – 2006. – №2. – С. 27–43.

§ 3.

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ПРОФИЛАКТИКИ НАРКОМАНИИ И НАРКОПРЕСТУПНОСТИ КАК БОЛЕЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

1. Семиотика и социальная структура общества.
2. Мультикультурное пространство глобализации и место в нём человека.

Наркомания и наркопреступность захватили современное общество в свои страшные объятия. Их называют болезнью общества. Действительно ли больно общество или только личность?

С появлением человека в природе уже в древнем сообществе людей система взаимоотношений привела к необходимости более дифференцированной системы внешних знаков, показывающих место данного человека в сообществе. Как указывают исследователи, в условиях прародины человека – теплой Африки, «не было необходимости в одежде как достройке системы терморегуляции» [1, с. 158]. Однако «появились украшения, четко обозначающие пол, отличительные признаки вождя – знаки власти, угрожающие и пугающие знаки во внешности воина. Одежда правителей (вождей) отличалась от одежды тружеников, различной была одежда свободных людей и рабов, воинов и земледельцев» [там же].

Достраивание знаковой функции внешнего покрова, которую эволюция сформировала у животных, продолжается у человека в настоящее время и по-прежнему является способом демонстрации качества жизни, места данного человека в социуме. Таким образом, одна из причин употребления наркотиков в современном молодежном обществе может носить знаковую нагрузку высокого статуса, либо являться проявлением имитации статуса (стремлением заглушить неудовлетворенность имеющимся). В частности, в переходном российском обществе в условиях гипертрофированного социально-экономического неравенства, разделившего, по словам Гишинского Я., Гурвич И., Русаковой М., Симпура Ю., Хлопушина Р., молодежь на «группы относительно успешных – «включенных» (inclusive) и социально неустроенных, фактически лишенных будущего – «исключенных» (exclusive)» [2, с. 94], такая потребность в достраивании своего места в социальной системе видится весь-

ма актуальной («*фактор самоутверждения*») подтолкнул к употреблению наркотиков 11 % опрошенных респондентов [3, с. 98]).

Культура, понимаемая как фактор, определяющий специфику человеческого образа жизни в отличие от природного образа жизни животных, возникает потому, что разум человека дает возможность неизвестными природе способами накапливать, обрабатывать и использовать информацию. Специальные знаковые средства кодируют и транслируют информацию в обществе. В условиях техногенной цивилизации культура как социальная память, как программа человеческого поведения, как информационное обеспечение социального поведения подверглась мутации.

Следствием снижения «коллективного интеллекта общества» видится забвение наркоманами инстинкта самосохранения. Более того, новая, «*надбиологическая форма*» информационного процесса, объективированная в создаваемых людьми *знаковых системах* социальная информация, сохраняется и осваивается последующими поколениями, благодаря чему ее объем в истории общества со временем быстро возрастает» [3, с. 53]. Геометрическая прогрессия роста социальной информации о возможности исключения института самосохранения из сценария жизни выражается, в частности, в резком увеличении числа наркоманов, росте наркотизации.

Кроме того, культура не только отражает условия общественной жизни. В процессе становления информационного общества новации в культуре все больше определяют характер изменений общественной жизни в целом. Поэтому, хотя исторически культура позволила человечеству выжить, следует иметь в виду, что ему нужно еще и жить по-человечески!

Вопрос о том, что собою представляет жизнь «по-человечески», – исторически меняющаяся философская проблема. Современная массовая культура образу подлинно человеческой жизни спешно навязывает стандарты потребительской идеологии, ничем не ограниченного расширения потребностей и их удовлетворения. Достижим ли этот идеал в условиях низкой личностной культуры? Тем более что особенности коммуникативного пространства современного общества выражаются в отсутствии устойчивых нравственных императивов и четких мировоззренческих установок.

Ректор ведущего вуза России В.А. Садовничий справедливо отмечает наметившуюся тенденцию: «Эгоизм, ложь, распутство и т.п. приобрели вселенские масштабы. В далеком прошлом этими человеческими недугами «болело» меньшинство. А теперь – большинство людей. Но если это так на самом деле, если названные отклонения от норм в

прошлом стали не отклонением, а нормой бытия в настоящем времени» [4, с. 13]? В этом случае опасные мировоззренческие отклонения противостоят с мировоззренческим кодом, экологизировавшим человеческие отношения на протяжении тысячелетий.

Становление мультикультурного пространства благодаря глобализации, по мнению академика, как раз и призвано узаконить такое положение дел. «Достаточно посмотреть, – указывает ученый, – как развивается ситуация вокруг легализации наркотиков. В некоторых странах так называемые «легкие наркотики» уже легализованы, например в Голландии. За их легализацию в США выступает не кто иной, как Дж. Сорос. Уже весьма рельефно просматриваются контуры «новой общечеловеческой культуры» – культуры наркотиков. Другим примером укоренения в качестве нормы нарождающегося глобального общества является признание в ряде стран на уровне законов сексуальных отношений нетрадиционной ориентации.

Таким образом, в обществе идет процесс накопления «опасного знания», источником которого являются как наука, так и вненаучное знание. Постепенно это опасное знание разными путями обретает легитимные формы и становится общественной нормой. Отклонения, которые когда-то были единичными и локальными, становятся массовыми и всеохватывающими» [4, с. 13]. Справедливым видится и последующий вопрос автора: «Не означает ли все это возникновение нравственных норм, основанных на подобных отклонениях? Если это так, ... то сможет ли стратегия «добровольной толерантности» удержать мир от его превращения в «отклоненный мир» [4, с. 4.].

В социологических исследованиях отмечается та же тенденция как неизбежное следствие общего процесса социальных потрясений. Например, в работе Ю.Ю. Комлева читаем: «В переходном российском обществе, расставшемся с идеологическими запретами и моральными ограничениями, неизбежно повышение уровня и масштабов молодежной наркотизации» [3, с. 94]. По данным социологических исследований, «гедонистический фактор» [3, с. 97], составляющий 15 % респондентов, и уже упоминавшийся «фактор самоутверждения» [3, с. 98], составляющий 11 % (в совокупности – **четвертая часть** молодого населения страны), в основе своей имеют ценностно-символическую природу.

Действительно, страсть к наслаждениям естественна для человека как биологического существа. Однако ее чрезмерная стимуляция, особенно на подсознательном уровне, с помощью СМИ постепенно вытесняет другие цели и ценности человеческой активности, побуждает получать удовольствие во всем, «здесь и сейчас».

Таким образом, пропаганда гедонизма косвенно провоцирует эксперименты молодежи с наркотиками. Поэтому «человечество должно выбрать либо концепцию развития, которая до сих пор является доминирующей, основанной на всевозрастающем росте потребления. Это старая система этических норм и ценностей. Либо люди вступят на путь самоограничения и согласия с природой и жизнью» [4, с. 14]. Правда, заставить сделать такой выбор нельзя будет ни военным могуществом, ни материальным богатством. Это возможно лишь при действенности запретов и ценностей морально-этического характера, которые нельзя создать. Нельзя преодолеть трудности и только технологическими средствами, так как именно морально-этические ценности определяют дальнейший выбор пути цивилизованного развития.

Понятно, что романтическая тема идеализации давно минувших дней и мечтаний о возврате к культурной архаике в условиях динамично развивающегося информационного общества не обоснована. Таковы законы бытия: все течет – все изменяется! Но и постмодернистская парадигма с характерной для нее тягой к деконструктивизму, утверждающему, что в мире нет и не может быть никаких устойчивых истин и ценностей, требует основательной критики. Такие ценности, как нравственность, эстетика чувств не есть лишь словесные манипуляции! Они действительно имеются в каждой национальной культуре. Достаточно напомнить систему ценностей восточной философии, основанной на самоограничении.

В информационно-семиотической теории смысловое поле культуры может быть представлено в виде трехмерного пространства. Три основных вида смыслов – знания, ценности и регулятивы – образуют оси этого пространства, и в зависимости от ориентации на них выделяются три больших области: духовная, социальная и технологическая культура. В XX веке центр культурной динамики перемещается все больше из духовной культуры в культуру технологическую.

Технологическая культура по своей природе рациональна и утилитарна. Если духовная и социальная культура нацелены на создание ценностей и идеалов, то технологическая культура «концентрируется на том, *что* и *как* надо сделать. Ради каких ценностей создается и пускается в ход технология – этот вопрос технологическая культура сама по себе не решает. Он должен решаться вне ее» [5, с. 58]. Поэтому «смещение технологической культуры с периферии в центр культурного пространства сопровождается размыванием ценностей и идеалов, усилением утилитаризма и рационализма в культурных ориентациях населения» [там же].

В контексте исследования роста наркопотребления и наркотизма отметим: необходимо признать, что развитие современной технологической культуры вносит существенные перемены в традиционные представления о культурных ценностях и нормах поведения. Их следует осмысливать, принимая новую структуру установок, которая складывается в условиях информационного общества или общества, перенесшего социальные потрясения. Вместо того чтобы стенать по поводу «разврата и невежества молодежи, слабо осваивающей духовное наследство предков, и утрачивать людей картиной смертельных судорог культуры, задыхающейся в объятиях науки и техники» [5, с. 59].

Собственно «проблема отцов и детей» не нова, и ей всегда находилось решение. Всегда ответственность брало на себя старшее поколение как самая мудрая часть общества. Мудрость, в отличие от знания, образованности, информированности, – «способность принимать и усваивать опыт жизни предыдущих поколений. Она глубоко национальна, включена в афоризмы, пословицы, поговорки, сказки и носит преимущественно нравственное, этическое, ценностное содержание» [4, с. 12]. Поэтому не только научное знание, которое как таковое интернационально, а национальная мудрость – основа выхода из наркотического тумана и кризиса, которым опутана Россия.

Однако уроки предыдущих поколений часто оказываются не впрок, и распространение наркотизма и наркомании провоцирует государство на реализацию традиционных запретительно-репрессивных методов формального контроля, хотя радикально изменить наркоситуацию к лучшему таким путем невозможно.

Одна из причин – высокая прибыльность операций, связанная с незаконным оборотом наркотиков, стимулирующая наркодельцов, и они находят эффективные способы адаптироваться к любым запретам и преследованиям. Жесткая криминализация феномена наркопотребления делает его крайне латентным, а практики правоприменения стигматизируют значительные слои начинающих наркопотребителей, лишая их возможности эффективной реабилитации и ресоциализации.

Антинаркотическая работа, как правило, замыкается на правоохранительные структуры и медицинские учреждения, что неизбежно снижает роль программ общесоциальной профилактики. Не в полной мере используются превентивные практики, ориентированные на изменение ценностных ориентаций молодежи, формирование культуры здорового образа жизни и твердый отказ от первой пробы, на реализацию мероприятий по минимизации вреда [3, с. 96].

В то же время обращение к практике борьбы с наркотизмом и анализ нормативных источников, работ зарубежных и отечественных

социологов показывает, что существуют три основные стратегии социального контроля в отношении к нему: репрессивная («война с наркотиками» – War on Drugs), либеральная («уменьшение вреда» – Harm Reduction), рестриктивная (ограничительная).

Репрессивная стратегия рассматривает наркопотребителя в качестве асоциального типа, ответственного за свое собственное незавидное положение. Основным рецептом «исправления» является уголовное наказание, изоляция и принудительное лечение. Особых различий между наркоманом и наркопотребителем не делается. Наркотизм в рамках этой модели в целом представляется как устранимое явление, стоит только раскрутить маховик репрессий. Этот путь наиболее характерен для стран с тоталитарными политическими режимами.

В рамках *либеральной* модели наркоман – больной человек, ставший жертвой личной предрасположенности или внешних обстоятельств. Наркотический опыт индивида продиктован его свободным и добровольным выбором. Наркотизм неустраним. Внимание общества сосредоточено не на наказании наркозависимых, не на подавлении с помощью репрессий, а на лечении и профилактической работе, на обеспечении жертв наркотизации психологической и социально-медицинской помощью, в том числе путем отмены запретов на свободную продажу и открытое употребление легких наркотиков. Либеральный подход в законодательстве и антинаркотических практиках влечет за собой ограниченную легализацию наркопотребления. Стратегия либерального реагирования на наркотизм не бесспорна [3, с. 98].

В рамках развития *рестриктивной* модели (Швеция) ограничительный подход занимает промежуточное положение между рассмотренными выше вариантами, поскольку включает в себя как меры дифференцированной общесоциальной и социально-медицинской профилактики наркотизма, так и меры репрессивного характера, направленные на пресечение незаконного оборота наркотиков и преследование тех лиц, которые наживаются на этой социальной проблеме. Наркоман – больной человек, нуждающийся в различных формах лечения и реинтеграции в общество. Между наркоманами и наркопотребителями проводятся четкие различия. Наркопотребители – основной объект превентивной антинаркотической работы с целью существенного ограничения спроса на наркотики. Наркотизм как явление не устраним, но подвержен эффективному контролю и лечению [3, с. 99].

В современных российских условиях снятие административно-правовых запретов и ограничений на употребление даже легких наркотиков, легализация их оборота могут иметь опасные социально-криминальные последствия, тем более что на «фактор доступности» как

основную причину употребления наркотиков указывают при опросе 60% респондентов [3, с. 98].

Перспективность рестриктивной стратегии для России видится еще и потому, что в стране достаточно долгое время не существовало (после распада СССР) общественных организаций, предлагающих альтернативные механизмы для канализации энергии самоутверждения молодых людей (спорт, активный досуг, профессиональная деятельность). Тем более что на «фактор улицы» (как вовлечение в наркопотребление в ходе социальных контактов, которые молодые люди находят в неформальной среде «друзей уличного окружения») указывают 36 % участников опроса [3, с. 97], а на «фактор интереса» (как «интерес к необычным и острым ощущениям») мотивированы 27 % опрошенных [там же].

В общей сложности эти факторы составляют 63 % молодежи – показатель, требующий активизации, дифференциации мер информационно-воспитательного, организационного, образовательного воздействия; показывающий необходимость организации досуга несовершеннолетних, усиления влияния семьи и других институтов неформального социального контроля, пропаганды здорового образа жизни. Этот же показатель, в случае успешности решения проблемы, позволяет надеяться на оздоровление большей части репродуктивного населения.

Исторические аналогии позволяют надеяться на оптимистический исход решения вопроса в нашей стране, так как Россия, даже «ослабленная реформами, способна при наличии политической воли и обоснованной стратегии развития воссоздать... социально ориентированное государство» [6, с. 33]. Тем более что необходимый для этого потенциал: «исторически обусловленные духовные ценности; достаточная разумность личных потребностей, свойственная нашей культуре; преобладание духовного начала над материальным началом; соборность» [6] и пр. – неоспоримые преимущества России и россиян.

Возможности регуляции и искусственного упорядочивания жизни современного человека не только чрезвычайно высоки, но и постоянно обновляются. При этом речь идет как о промышленных технологиях, денежных и финансовых системах, городских и всемирных инфраструктурах, так и о регулировании здоровья, потребления, информационных потоков, квалификаций, конфликтов, и т.д. [6], [7], [8], [9], [10], [11], [12]. Таким образом, необходимость реинтеграции в общество активной и относительно самодостаточной социально-территориальной подсистемы общества – села, разрешение социальных вопросов в гендерном аспекте, формирование гуманистического мировоззрения через образовательную систему, современное правовое регулирование в области преступлений, связанных с наркотиками, и т.д. – вот вопросы, опреде-

ляющие сущность и содержание профилактики наркомании и преступности и указывающие на наркоманию как болезнь социального тела.

Уточняющие вопросы по теме

1. Назовите возможности регуляции и искусственного упорядочивания жизни современного человека.
2. На чем основано, по вашему мнению, утверждение, что технологическая культура по своей природе рациональна и утилитарна?
3. Можно ли наркоманию назвать выражением одной из сторон экологического кризиса?

Список литературы

1. Фейгенберг И.М. Человек достроенный и биосфера // Вопросы философии. – 2006. – №2. – С. 151–161.
2. Цит по: Комлев Ю.Ю. От социологического изучения феномена к обновлению антинаркотических практик // СОЦИС. – 2005. – №6(254). – С. 95–101.
3. Комлев Ю.Ю. От социологического изучения феномена к обновлению антинаркотических практик // СОЦИС. – 2005. – №6(254). – С. 95–101.
4. Садовничий В.А. Знание и мудрость в глобализирующемся мире // Вопросы философии. – 2006. – №2. – С. 3–15.
5. Кармин А. Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы // Вопросы философии. – 2006. – №2. – С. 52–60.
6. Шайхутдинов Р.Г. Современные технологии власти // Вопросы философии. – 2007. – №11. – С. 3–12.
7. Жуков В.И. Модернизация социальных отношений в России: замысел, итоги, возможности // СОЦИС. – 2005. – №6. – С. 25–34.
8. Тапилина В.С. Сколько пьет Россия? Объем, динамика и дифференциация потребления алкоголя // СОЦИС. – 2006. – №2. – С. 85–94.
9. Староверов В.И. Результаты либеральной модернизации российской деревни // СОЦИС. – 2004. – №12. – С. 64–74.
10. Берендеева А.Б. Предмет исследования – благополучие населения // СОЦИС. – 2006. – №5. – С. 127–133.

11. Койшина Е.К. Опыт мониторинга реализации молодежной политики в северном городе // СОЦИС. – 2007. – №2. – С. 121–124.
12. Иванова С.В. Влияние идей гуманизма на формирование гуманитарного знания // Вопросы философии. – 2007. – №10. – С. 19–28.
13. <http://educom.ru>
14. <http://16207s035.edusite.ru>
15. <http://ria-sibir.ru>
16. <http://nationalsecurity.ru>
17. <http://sibsport.ru>
18. <http://pan.ru>

ЧАСТЬ III

ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА, ТВОРЧЕСТВО – ФИЛОСОФИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

§ 1.

ТВОРЧЕСТВО КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА ЧЕЛОВЕКА ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ПРИРОДА

1. Библейско-христианское толкование творчества.
2. Античные традиции в понимании творчества человека.
3. Философия Возрождения, Нового и Новейшего времени о творчестве.
4. Экологическая духовная дорога в составе Восточной философской мысли.
5. Экологический кризис как следствие творчества человека.

Библейско-христианский мир утверждает, что творчество в мире только потому возможно, что мир сотворен, что есть Творец, и по его образцу и подобию есть тот, кто призван к творчеству.

К примеру, как отмечал Н.А. Бердяев, творчество, с этой точки зрения, имеет сложный состав и предполагает три элемента: элемент свободы, элемент дара и элемент сотворенного уже мира, в котором совершается творческий акт и в котором он берет себе материалы. Человек не сам виновник своего дара и своего гения. Он получил его от Бога, потому чувствует себя в руке Божьей орудием Божьего дела в мире. В творчестве есть две разные стороны, два разных акта в зависимости от того, на какой стороне творчества мы сосредоточиваемся. Есть первоначальный творческий акт, в котором человек как бы стоит перед лицом Божиим, и есть вторичный творческий акт, в котором он как бы стоит перед лицом людей и мира. Есть первичная творческая интуиция, творческий замысел, когда в нём звучит еще не выраженное открытие. В этом творческом акте человек стоит перед Богом и не занят еще реализацией замысла в мире и для людей [1].

Есть творчество-деятельность, порождающее нечто новое, никогда ранее не бывшее. В этом случае человеческое творчество выступает в христианском мире, прежде всего, как творение истории, той сферы, в

которой конечные человеческие существа принимают участие в осуществлении замысла Божьего о мире.

Следует отметить, что античная философия не отводит творчеству главенствующего значения. Созерцание вечного и неизменного бытия выдвигается ею на первое место. Потому всякая деятельность, в том числе и творческая, по своему онтологическому значению ниже созерцания. Ибо созидает человек конечное, преходящее, а созерцает бесконечное, вечное. Человеческое творчество есть только момент в достижении высшего, доступного человеку «умного» созерцания.

Ограничение в понимании человеческого творчества снимется в эпоху Возрождения, когда человек постепенно освободится от бога и начнет рассматривать себя как самодостаточного в онтологическом плане творца, и этот подход станет основополагающим в философии Нового и Новейшего времени.

Современная цивилизация придала совершенно новые контуры человеческому миру. Он находится на критическом этапе своего развития. Бурные изменения техники радикально меняют предметно-природную среду, в которой непосредственно протекает жизнедеятельность человека. Одновременно отмечается процесс поглощения агрессивной технологической цивилизацией цивилизаций традиционных.

Как пишет в одной из своих работ В.С. Степин, традиционные цивилизации отдавали приоритет канонизированным ценностям. Инновации здесь допускались лишь в крайних случаях (инициатива наказуема), в строго ограниченных рамках традиции. Техногенная же цивилизация черпает резервы роста за счет оригинальности, новаций [2]. Укажем также на очень ценные замечания автора о том, что каждая из исторических эпох развития человеческого общества вносила свою лепту в начало техногенной цивилизации и каждая определяла свое отношение к творчеству человека. Так, античная культура, изобретя теоретическую науку и демократию, открыла человечеству принципиально новый, творческий способ познания мира: свободный поиск, без оглядки на авторитеты и каноны. Понимание человека как существа, имеющего образ и подобие Бога, позволяло европейскому Средневековью надеяться на понимание помысла божественного творения. Эпоха Ренессанса ассимилирует идеи предыдущих эпох и к XVIII веку начинает бурное развитие техногенная цивилизация, которая понимает человека как активное существо, заново творящее, активно переделывающее внешний мир, в первую очередь, природу. Именно поэтому в культуре техногенной цивилизации ценится активная генерация новых идей. Деятельностное, творческое отношение к внешнему миру выступает в техногенной цивилизации как особенное качество, свойственное только человеку.

Альтернативой принципу преобразующей активности техногенной цивилизации могут быть принципы традиционных цивилизаций, ориентированных на активность внутреннюю, на самоконтроль, на адаптацию к уже сложившимся обстоятельствам, на самодисциплину.

Рассматривая Восточную философскую мысль, сложившуюся в эпоху древности, следует отметить, что аксиологические мотивы данной духовной дороги неизменно выводят к экологическим императивам. Так, тайное знание и опыт йогов, даасов, лам не допускает возможности быть причиной страдания живого. Потому творческие способности на Востоке выражаются в самосовершенствовании, предполагают приспособление себя, своего тела и дела к миру природы, а не наоборот. Единение с природой, растворение в ней, а не овладение позволяло сохранять и понять ее. Сама природа дает на все готовые ответы. Нужно лишь уметь приспособиться к ней.

Центрально-азиатский мир и мир Внутренней Азии, имеющий непосредственное отношение к географии России, также располагал, как пишет И. Урбанаева, вне зависимости от Китая и Индии, развитыми методами теории и практики эффективных отношений людей с природой. Она замечает, что в монголоязычной семантике, используемой в источниках, относящихся еще к эпохе Чингизхана, содержался экологический смысл. Он обеспечивал благоденствие и порядок в общем, обширном Доме через умение слушать землю, природу, Космос и сообразовывать свои действия по отношению к окружающему в соответствии с логикой природы, а не с собственными потребностями и стремлениями. Во Внутренней Азии уже со времен Упанишад применяли магическую силу знания для совершенствования человеческой природы, связывая ее с культом предков, культом земли–воды, «хозяев местности». Данная традиция тысячелетиями сохраняла устойчивое понимание специфичности творческой деятельности, обеспечивающей экологический фундамент для формирования типа человека, не воспринимающего себя вне единства с местом обитания [3].

Техногенное общество, в отличие от традиционных, выдвигает идеал автономной личности. Свобода ее рассматривается как предпосылка реализации творческих возможностей. Возможности индивида в техногенной цивилизации в результате его суверенности расширяются теоретически неограниченно. С другой стороны, традиционные цивилизации в условиях жесткой привязки человека к клану растворяют индивидуальность, подавляют в человеке творческие начала [2].

Итак, человек, прилагая свои силы к преобразованию социальной и природной среды в техногенном мире по-иному, чем в традиционных сообществах, реализует заложенный в нем потенциал творца. Мироз-

зренческой доминантой техногенной цивилизации является ценность господства над природными и социальными обстоятельствами. Для техногенного мира характерно понимание природы как поля деятельности, в котором разумное существо, познавая законы природы, способно осуществить свою власть. При этом предполагается, что природа – неиссякаемая кладовая ресурсов, которую человек должен укротить, и она способна удовлетворять человеческие потребности во все возрастающих масштабах, бесконечно. Образ преобразователя мира, деятельность-преобразующая предназначенность человека расцениваются как прогресс, обеспечивающий власть человека над обстоятельствами. Человек из раба природных и социальных обстоятельств обязан превратиться в их господина. Например, в природоохранных документах социалистической России звучали созвучные тезисы: «Пока мы не знаем закона природы, он, существуя и действуя помимо нас, вне нашего сознания, делает рабами «слепой необходимости». Раз мы узнали этот закон, действующий **н е з а в и с и м о** от нашей воли, нашего сознания, – мы господа природы» [4, с. 98].

Технологический способ производства приводит к слиянию в целостную систему производительных сил. Производство становится экономической самоцелью, ничем не ограниченным процессом. Идеология неограниченного прогресса санкционирует феномен неограниченного расширения. «Это расширение, – как замечает современный исследователь И. Шафаревич, – ...происходит через расширенное воспроизводство трудностей. Когда возникает проблема, связанная с расширительным действием технологической цивилизации на природу, то проблема решается – но в результате возникновения одной или нескольких новых проблем, как правило, связанных с более глубоким воздействием на природу. Цивилизация с каждым шагом как бы подбирается все ближе к самым корням природы» [6, с. 105]. Техника, увеличивая возможности общества в овладении природой, создает предпосылки обратного влияния теперь уже природы на общество в виде экологического кризиса. С одной стороны, человек становится все более свободным от действия стихий природы, с другой стороны – все более зависимым от них.

В восприятии взаимодействия природы и общества теперь возникают и существуют в единстве и борьбе противоположные точки зрения. Так, географический детерминизм социальную жизнь ставит в непосредственную зависимость от изменений природной среды, климата и географических условий. Противоположная концепция формулирует идею творчески практического, не созерцательного отношения к природе человека-господина.

Не случайно достижения цивилизации закрепились в терминах силы («сила знания», «сила красоты», «сила творчества» и пр.) и выражают установку на обретение человеком неограниченных возможностей, расширяющих его преобразующую деятельность, радикально меняющих бытийное состояние. Примером могут послужить слова из знаменитого «Интернационала». «Кто был ничем, тот станет всем», – пели революционеры в начале XX века [5, с. 3].

Таким образом, человек, руководствующийся мировоззрением, сложившимся в техногенной цивилизации, в первую очередь видит свое предназначение в насильственной преобразовательной деятельности над природой, в том числе и собственной, в сотворении новой природной и социальной среды.

Уточняющие вопросы по теме

1. Существует ли в философии исторически пульсирующий интерес к проблеме творчества человека?
2. Укажите на различия в характере творчества человека, принадлежащего к традиционной и технологической цивилизациям.
3. Назовите глубинные жизненные смыслы человека Восточного и Западного типов культуры и особенности функционирования в его сознании ценностного статуса природы.

Список литературы

1. Бердяев Н. Философия свободы. Смысл Творчества. – М.: Правда, 1989.
2. Степин В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего. Избранная социально-философская публицистика. – М., 1996. – 175 с.
3. Урбанаева И. Проблема души и пути народа // Международная жизнь. – 1993. – № 5–6. – С. 105–110.
4. Ленин В.И. // Полн. собр. соч. Т.18.
5. Спутник партгруппорга. – М.: Политиздат, 1989. – 191 с.
6. Шафаревич И.Р. Россия и мировая катастрофа // Наш современник. – 1993. – № 1. – С. 100–129.

§ 2.

СОДЕРЖАНИЕ И СПЕЦИФИКА ТВОРЧЕСТВА КАК ОСОБОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

1. Аспекты толкования творчества.
2. Труд и творчество. Краткий очерк истории взаимоотношений.
3. Современное определение творчества.
4. Творчество как социальный барометр.
5. Творчество в контексте проблемы экологии личности и охраны природы.

Творчество можно рассматривать в различных аспектах. Например, психология творчества исследует процесс, психологический механизм протекания акта творчества как субъективного акта индивида. Философское рассмотрение творчества предполагает ответ на вопрос, как вообще возможно творчество как порождение нового, каков онтологический смысл акта творчества.

Говоря о творчестве, мы, прежде всего, имеем в виду великих писателей, художников, ученых. Однако каждый человек занимается в своей жизни творчеством, если он пытается не механически выполнить свою работу, а внести в нее что-то от себя, что-то усовершенствовать.

Наиболее распространенным является понимание творчества как труда, как деятельности человека, преобразующей природный и социальный мир в соответствии с целями и потребностями человека и человечества на основе объективных законов действительности.

Отметим, что творчество в труде не всегда было изначально существенной характеристикой труда. Часто в истории труд был преимущественно средством для поддержания элементарного существования, а не проявлением творческих способностей человека. И все же труд может быть не только средством для жизни, но и ее сущностью, процессом, в котором человек полностью и всесторонне развивает свои склонности и задатки. Стимулом к труду должно быть не внешнее насилие, не стремление к заработку, которое тоже есть своего рода принуждение, а, прежде всего, глубокая внутренняя потребность в творчестве.

Конечно, для какого-то отрезка исторического становления цивилизации характерно отношение к труду как к проклятью. Участие в трудовой деятельности вызывало отвращение (в первую очередь это касалось физического труда). Физический труд считался делом, недостойным

свободного гражданина. Но при разумной организации общества он может и должен стать первой потребностью личности, источником полноценной жизни и счастья. Если труд является свободным проявлением жизни, то человек способен наслаждаться им. При этом творчество становится активным фактором труда и жизни человека.

Общий смысл многочисленных определений творчества позволяет видеть в нем многоуровневый феномен культуры, суть которого – развитие особых взаимоотношений человека с миром, собой. При этом неважно, к какой сфере деятельности принадлежит данный человек. Этот специфический способ отношения человека к миру формирует новый уровень приспособления, определяет организацию и содержание отношений, когда не только результаты деятельности воспринимаются как общественная ценность, но сама творческая деятельность становится ценностным, смысложизненным предназначением человека. Творческое поведение в нашем изменчивом мире становится подлинно адекватным поведением, обеспечивает человеку адаптацию.

Более того, темпы прогресса в общепланетарном масштабе заставляют пересмотреть подходы к определению критериев могущества государств. Как отмечает в своей работе В.С. Степин, не количество стали и угля, а возможности формирования творческой личности, способной продуктивно и самостоятельно действовать, отвечая за собственные результаты, могут стать одним из оснований оценки эффективности государства [1].

Между тем, чтобы мерилom произведенного богатства стала степень творчества, степень развития и применения человеческих способностей, знаний, науки, должно измениться и само общество. Формы собственности, с этой точки зрения, есть лишь средство. Самоцелью общества становится человек, разностороннее развитие его способностей, свободный труд и творчество, то есть самоутверждение человеческой личности, счастье человека, ощущение полноты жизни. В общественном мнении должен укрепляться высокий общественный статус творческой деятельности и творческой личности, а также создаваться множество разноуровневых факторов, обеспечивающих движение творческой атмосферы в обществе.

Мещанское общество, бессильное подняться над примитивным потреблением, ограничить себя в потреблении, не способно отвечать логике развития реального мира и не считает проявление творчества необходимой нормой. Однако в эпоху глобальных проблем, в том числе экологических, стоящих перед человечеством, воспитание творческих личностей становится не столько гуманистическим побуждением, сколько выражением потребности самосохранения.

Однако стать творческой личностью человек может только в силу внутренней потребности к творчеству. Можно сколько угодно перебирать знания, приобретенные в процессе обучения, вычитанные из книг, но при этом ничего нового не создать. Нужно самому измениться. Если перефразировать знаменитый лозунг эпохи Просвещения, то можно было бы призвать нововременного человека: «Имей мужество пользоваться своей способностью к творчеству». Внутреннее состояние личности, таким образом, скорее возможность, а не необходимость быть творцом.

В эпоху глобальных катастроф желательно, чтобы творческие усилия личности были обращены, прежде всего, не на внешний мир, а на ее собственный внутренний мир, и его перестройка осуществлялась в соответствии с конкретными личностными представлениями о должном и лучшем. Действительно, измениться личность сможет лишь в случае наличия внутреннего чувства такой необходимости. Таким образом, самовоспитание, как борьба с самим собой, а не с внешним миром, природой, есть высочайшее творчество. Здесь человек сознательно творит новые взаимоотношения с миром, заменяя несовершенные отношениями более высокого порядка.

Гармонизируя таким образом свой внутренний мир, человек наводит порядок в своем телесном экосе, благотворно уравнивает биологические функции организма. Другими словами, здесь творчество проявляется как психотерапевтическая методика, организуя психическое и физическое здоровье человека. Еще со времен античности было известно, что эмоциональная зажатость так же вредна, как и физическая заторможенность. А творчество как свободная воля личности дает ощущение активности, раскрепощенности, уверенности в себе, наслаждение полнотой бытия и состоянием полета. Творчество личности как особое переживание бытия дает человеку ощущение могущества, помогает ему самоутвердиться в своих отношениях с миром.

Между тем, действительно адекватное, творческое проявление могущества человека по отношению к миру зависит от его способности ощущать себя частью природы, чувствовать интимную причастность к ней, безошибочно находить меру нужных разнонаправленных тенденций в воздействия на нее.

Но если не определиться с мерой потребностей, а только активно вторгаться в природу, можно неизбежно нарушить целостную связь. Таким образом, одной из граней экологической катастрофы является отсутствие чувства меры, «затемнение» истинного предназначения творчества человека, разбалансированность между эстетическим вкусом человека и традиционными ориентирами, которые давала природа как бы-

тийное начало. Как иначе, например, воспринимать знаменитые слова

селекционера И. Мичурина о том, что человек не может ждать милостей от природы, а должен сам взять у нее все необходимое.

Вооружившись «знанием – силой», нововременной человек постепенно утратил понимание красоты отношений, так как красота не имеет видимой полезности. Было утеряно чувство баланса между творческим преобразованием мира природы, осуществляемым посредством деятельности человека, и онтологическим

предназначением человека быть рачительным домоправителем.

В связи с этим вспоминаются слова великого Аристотеля, который с иронией говорил о том, что иные занимаются накопительством так, словно будут жить вечно, а другие транжирят так, как будто собираются умереть завтра же. Таким образом, сами пространственно-временные рамки бытия человека и природы задают образ творчества. Следует лишь вслушаться в Бытие и творить в соответствии с онтологическими законами. Это позволит не разрушить основу существования биологического человека, сохранить Природу для потомков, предотвратив экологический кризис.

Уточняющие вопросы по теме

1. Существует ли связь между творчеством и производственной деятельностью человека, преобразующей природу?
2. В каких случаях творчество становится активным фактором труда и жизни человека?
3. Можно ли назвать творчество человека в современную эпоху специфическим способом отношений с миром природы, новым уровнем приспособления к ней?

Список литературы

1. Степин В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего. Избранная социально-философская публицистика. – М., 1996. – 175 с.

§ 3.

ТВОРЧЕСТВО КАК ПУТЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА К БЫТИЮ И ПРИРОДНОЙ НАЗНАЧЕННОСТИ

1. Творчество человека как узурпированное и усеченное им право Творца.
2. Человеческое творчество в «зазеркалье» Новейшего времени.
3. Природное как координата для сохранения человеческого в человеке.
4. Природа – онтологический образец человеческому творчеству.

Будучи окруженным естественным и бытийным в Эдеме, человек не нуждался ни в чем. Но, изгнанные из природного рая, ветхозаветные предки утратили свою естественную связь с Природой. Ради выживания они вынуждены были творить то, чего раньше в естественной природе никогда не было. Именно так возник дом из камня, одежда из шкур и многое другое.

В Книге Бытия пишется, что вначале не было человека для возделывания земли [Быт. 2, 5]. Бог поселяет человека в райском саду, чтобы возделывать его и хранить [Быт. 2, 15]. Как отмечает современная Доктрина Русской Православной Церкви, труд – это творческое раскрытие человека, которому в силу изначального богоподобия дано быть сотворцом и соработником Господа. Однако после отпадения человека от Творца изменился характер труда: в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься [Быт. 3, 19]. Творческая составляющая труда человека, назначенная Бытием, при этом трансформировалась. Труд стал для падшего человека преимущественно способом добывания средств к жизни, но таких средств, которых в естественно назначенном Бытии не было.

Человек, как пишет в одной из своих работ А.Н. Павленко, будучи выделен из животного бытия и наделенный нетленным, божественным духом, был приближен к Богу. Но, не удовлетворенный данной ему приближенностью, он, в конце концов, принужден обустривать земную жизнь без Бога: совершенствовать орудия труда, создавать новые профессии, переходить от простых к более сложным формам труда, способствующим улучшению материальных условий жизни, одним словом – творить [1]. Но созданное человеком, – указывает далее философ, – не

есть естественное (если учитывать природную назначенность). Не всякому дано творить и создавать естество. Бесспособное, безблагодатное творчество способно родить чудовищ [1] (как еще можно относиться, например, к созданной человеком атомной бомбе?!). Человек, не удовлетворившись своей приближенностью к Богу, вынужден замещать собою бога, в сущности, узурпировать его право Творца. Так пропадает высота творчества, присвоенная всеми [1].

Здесь кроются корни драмы человека двадцатого столетия: возмнив себя обладателем божественной способности творить, человек в своей самоуверенности провозгласил себя истинным Творцом. Однако становится все более очевидно, что человек стал обладателем отнюдь не самой способности творить, а только ее призраком. Человек, вместо могущества и самодовольно ожидаемого наслаждения от цивилизации, обрел ничтожество, страх перед ожидающими его глобальными катаклизмами [1].

Отпавший от абсолютных начал человек, соблазненный своим творчеством, сомнением создал вторую природу или искусственное, неприродное бытие. И если истинное Бытие есть Добро, то человек, научившись творить ложное, зеркальное бытие, несомненно, создает то, что в большей или меньшей степени приближено к противоположности Добра – Злу.

Мир искусственного, мир цивилизации есть «небытие» бытия естественного, – утверждает А.Н. Павленко. Ибо всякая вещь в бытии, потерявшая соответствие своей природной назначенности (рождаться, расти, умирать), перестает быть (превращается в небытие). Все искусственно созданное человеком есть в этом смысле царство небытия [1]. Образно мы назвали бы его бытием зеркальным, перевернутым. Не случайно новое мироощущение закрепилось в действиях, в слове. Мы допускаем, что каждый может по-своему понимать красоту, честь, дружбу, любовь (впрочем, по отношению к себе со стороны других людей эти отклонения не очень приветствуются). В новом мире возможна ложная истина, злое добро, безобразная или ужасная красота. Может, потому спокойно воспринимаются как художественный изыск творческие решения режиссеров и сценаристов, когда, например, сказочная баба Яга уже не есть безобразная старуха с костяной ногой, а весьма привлекательная молодая особа? А ведь фольклор, хранящий в своих глубинах коллективное бессознательное архаичных народов, наших предков тесно связан с Абсолютом. Потому фольклор на уровне коллективного бессознательного был способен до сегодняшнего нововременного бытия оберегать нас от противоположного Абсолюту, Благу.

Фундаментальные составные части духовной структуры человечества пока остаются с ним, хотя и могут быть неосознанными. Например, И.Р. Шафаревич пишет: «Человечество, да и все живое обладают, видимо, памятью колоссальной глубины. Возможно, в ней хранится вообще вся история, от амебы или Адама» [2, с. 127]. Этот вид памяти не индивидуальный, а исторический. Он существует через мифологическое сознание и связывает нас с прошлым временем (в отличие от идеологии прогресса, постулирующей ценность только будущего, так как для научно-технической революции прошлое ушло, его нет, оно мертво). Эта память призвана перед лицом пропасти напомнить человечеству экологические ориентиры, благодаря которым до сих пор сохранено здоровье души и тела людей.

Наше отношение к тем или иным природным объектам в определенной мере обусловлено архетипами, – читаем в одной из работ К. Юнга. Он пишет, что «языковые матрицы» [3, с. 121] происходят от первоначальных образов первобытного мира, придают смысл природному объекту. Таким образом, субъективное к нему отношение восходит к «туманной древности, в чем обычно не отдают себе отчета» [там же].

Язык и история формирования экологического сознания анализируется в работах В.А. Ясвина [4], М.К. Петрова [5]. Так, В.А. Ясвин отмечает, что архаическое сознание, озвучиваясь языком, задает бессознательные экологические установки. Они «играют важную роль в развитии отношения к тому или иному природному объекту» [4, с. 87], при этом «...позитивный, человеческий, субъектный полюс выступает в качестве положительного культурного стимула в процессе формирования отношения к тем или иным животным, а «...негативный, нечеловеческий, объектный» [4, с. 87] – в качестве отрицательного.

О широком пласте общечеловеческого сознания, который почти вытеснен из жизни победным шествием научно-технической революции, но не уничтожен, убедительно говорит И. Р. Шафаревич. «Видимо, каждый человек и все человечество, – пишет он, – обладает памятью колоссальной глубины, в которой эти концепции сохранены. ...Речь идет всего лишь об их «восстановлении в правах» в качестве определяющих стимулов социальной жизни» [2, с. 126]. Последовательно рассматривая проблемы отчуждения морали от сознания современного человека, находящегося во власти категорий научно-технического, чисто рационалистического происхождения, автор приходит к выводу о том, что «существует громадный слой человеческого сознания, жизненно важный для человечества, но не укладывающийся в рамках идеологии технологической цивилизации» [2, с. 126].

Тем не менее, мы не можем отрицать, что сегодня само слово свидетельствует о возможности существования изошренного бытия, которое пытается истину сделать служанкой лжи. Ложное бытие теперь может рассматриваться человеком как единственно разумное и подлинно действительное. А то бытие, которое было истинным и разумным до творчества человека, может выступать как ложное, неподлинное, неразумное. Все противоестественное стало естественным и, наоборот, естественное – противоестественным [1].

Так латинское слово *cultura*, обозначающее «возделывание», «воспитание», «развитие», происходит от слова *cultus* – «почитание», «поклонение», «культ». Это указывает на религиозные корни культуры. Современная Доктрина Русской Православной Церкви отмечает, что культура как сохранение окружающего мира и забота о нем является богозаповеданным делом человека. Культура предназначена для соединения людей узами общения и человеколюбия, для очищения сердца. Между тем, светская культура сегодня не всегда обладает достаточной духовной зоркостью, чтобы отделить подлинное Божественное вдохновение от «вдохновения» экстатического, за которым нередко стоят темные силы, разрушительно действующие на человека. Свидетельством того являются тенденции «опрощения» во взаимоотношениях людей, уменьшение требовательности человека по отношению к себе, к содержанию и способам речевого общения.

Однако в одной из работ Папюса читаем: «Оккультизм доказывает, что каждое колебание физического плана определяет изменения особого состояния в планах астральном и психическом. Отдавая себе отчет в этом определении и его результатах, можно понять значительное влияние человеческой речи на все планы Природы» [6, с. 44]. Таким образом, звук, давший тело, а произношение – жизнь некой идее, овеществляют ее в материальном мире. Она начинает действовать в нем как реальное существо. Поэтому любое оторванное от Бытия слово, созданное безответственным человеческим воображением, способно принести массу пагубных последствий для человека и природы, его окружающей.

Например, одно из базовых положений учения В.И. Ленина о социалистической революции и возможности установления социальной справедливости путем экспроприации экспроприаторов и распределения в дальнейшем среди бедных отобранной у всех богатых собственности продолжительностью существования обязано силе напряжения ума, количеству жизненной силы, затраченной на нее автором и его последователями. В то же время сама мысль о возможности победы над злом опирается здесь на зло, что в корне противоречит законам Бытия. В частности, по христианским законам зло нельзя пытаться побеждать

злом. Это принесет только бóльшую беду. Исторические факты подтверждают правоту Бытийных запретов, существующих в Слове.

Но как же в таком случае человеку жить в этом перевернутом, зеркальном мире?

Уповать следует на природную назначенность, которая единственно способна задать координаты, по которым человек должен творить искусственное бытие в соответствии с должным, а не вопреки ему. Таким образом, искусственное, сотворенное человеком можно оправдать в случае, если оно приближено по своей назначенности к абсолютным целям Бытия, Природе. Но, тем не менее, оно заведомо будет нести на себе печать несовершенства, будет далеким от первоначальной гармонии с миром.

Итак, сегодня проблема творчества человека должна рассматриваться в одной плоскости: какое творчество бытия доступно человеку – в соответствии с природной или творчество вопреки природной назначенности? Сама потребность творчества, как считают многие авторы, например [1], [7], должна пониматься не как знак особенности, отличия человека в отношении к другим тварям, а как знак его ограниченности как существа, отпавшего от совершенства.

Современная доктрина Русской Православной Церкви отмечает, что в природе, как в зеркале, отразилось первое человеческое преступление. Семя греха, возмев действие в человеческом сердце, произрастило, как свидетельствует Священное Писание, терния и волчцы [Быт. 3, 18] на земле. Стало невозможным полное органическое единство человека и окружающего мира, которое существовало до грехопадения. И вместе с этим человек, по выражению святителя Иоанна Златоуста, есть лишь домоправитель, коему вверено богатство дольного мира. Это богатство – «воздух, солнце, воду, землю, небо, море, свет, звезды», как замечает тот же святой, Бог «разделил между всеми поровну, как будто между братьями».

Таким образом, радость творчества человека техногенной цивилизации решает не только узко практическую, утилитарную задачу – сделать человека ни в чем естественном не нуждающимся. Если творчество хотя бы приближено к природной назначенности, то в этом случае оно достигает высокого смысла – радости возвращения человека к совершенству Бытия.

Уточняющие вопросы по теме

1. Если Жизнь обладает истинной назначенностью от Природы, то обладает ли Смерть такой же назначенностью?

2. Каким образом в условиях техногенной цивилизации возможна переинтерпретация знаменитых слов Парменида: «Бытие – есть, небытия – нет»?
3. Возможно ли соотношение творчества человека и понятия «небытие»?

Список литературы

1. Павленко А.Н. Бытие у своего порога (посильные размышления). – М., 1997. – 211 с.
2. Шафаревич И.Р. Россия и мировая катастрофа // Наш современник. – 1993. – № 1. – С. 100–129.
3. Юнг К.Г. Архетип и символ. – М., 1991. – 188 с.
4. Ясвин В.А. История и психология формирования экологической культуры. (Удобно ли сидится на вершине пирамиды). – М.: Наука, 1999. – 100 с.
5. Петров М.К. Язык, знак, культура. – М., 1991. – 200 с.
6. Папюс. Черная и белая магия. – М.: Товарищество «Клышников-Комаров и К», 1992. – 240 с.
7. Кутырев В.А. Экологический кризис, постмодернизм и культура // Вопросы философии. – 1996. – № 11. – С. 23–31.

§ 4.

ПРИРОДА ТВОРЧЕСТВА И БЫТИЕ ЯЗЫКА

1. Бытие и проницаемость языка.
2. Античная философия о природе языка.
3. «Новое» слово человека Нового времени и природа творчества.

Бытие, которое окружает нас, оставило свой отпечаток в языке. Язык показывает, что мы погружены не в обычное время, а в Новейшее. Лик нашего бытия определяется «новым», а не «старым». «Новый человек» не удовлетворен ни настоящим бытием, ни бытием прошлого:

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы *новый* мир построим.

Такая идеологическая программа в недалеком прошлом нашей страны звучала в словах песни. А из песни, как известно, слова не выкинешь. Но вот уже бытие новейшего, опрокидывая устаревший (опять! так быстро!) новый мир, пытается вновь и вновь увидеть в нем только мир насилья, который достоин разрушения и, причем, обязательно до основанья. Тем более понятно желание «нового человека», как пишет в своей работе А.Н. Павленко, присвоить эпитеты «темное средневековье» или «наивная античность» этим уж совсем древним временам. Постоянное недовольство бытием наличным, настоящим — вообще характерная черта нового сознания Нового времени [1].

Неподлинное бытие, отмечает А.Н. Павленко, сотворенное человеком в его самолюбовании, подчиняет своей форме бытие подлинного.

А новая форма мира накладывает свой отпечаток на язык, которым говорило о себе подлинное [1].

Вспомним Библейское: «Вначале было Слово». Выходит, что Сущее, отпущенное к бытию Истоком, держится собирающим его словом. Поэтому, желая внимать сущности подлинного, нельзя обойти это слово стороной. В собирающих словах заключен путь, каким еще можно вернуться к Истоку [1].

Какое же это Слово, на котором держится язык и, как следствие, подлинное, природное бытие? Обратимся к «первым именам», как их называет Платон.

История этого вопроса с момента его постановки у античных классиков выявила две противоположные позиции. Платон склоняется к тому, что имена устанавливает человек, а не боги. Человек у него – «законода-

тель первых имен», который их присваивает не произвольно, полагаясь только на свой разум или договор нескольких «разумов», а на предрасположенную в них же природу и приведение этой предрасположенности в соответствие с сущностью именуемой вещи. «Законодатель... должен уметь воплощать в звуках и словах имя, причем то, что назначено от природы». Так в «Тимее» Платон указывает: «Она (душа космоса)... при всяком соприкосновении с вещью, чья сущность разделена или, напротив, неделима, она всем своим существом приходит в движение и выражает в слове, чему данная вещь тождественна. ...Это слово, безгласно и беззвучно изрекаемое в самодвижущемся космосе,... изрекается о том, что ощутимо» [2].

Аристотель в этом принципиальном вопросе выступает с критикой платоновского учения об именах. В работе «Об истолковании» он говорит: «Имена имеют значения в силу соглашения, ведь от природы нет никакого имени» [3]. Таким образом, человек дает название вещам и явлениям случайно, вне всякой связи с их природным содержанием.

К толкованию Аристотелем происхождения, сотворения человеком слов мы еще вернемся. Сейчас перед нами стоит задача не определить, кто прав в этом споре, а понять, что происходит с языком сегодня в условиях господства созданного человеком нового бытия, новой природы, а если быть более точным, в условиях бытия неподлинного?

Отметим, что если следовать Платону, то сам язык, состоящий из всего множества слов, представляет в своих исторических вариантах полноту (или наоборот, неполноту) Космоса. Подлинный язык, собственно, и есть изречение Истока в первоизданной незамутненности [1]. Таким образом, можно предположить, что в силу исторических трансформаций Бытия подлинного языка сегодня уже практически не осталось.

А чем, собственно, может определяться его подлинность? Сравним слова «трава» и «муравушка», «дети» и «ребятушки». Дело вовсе не в архаичности выражений подобного рода. Еще в конце XIX – начале XX вв. такие слова присутствовали в обыденной и литературной речи. Например, поэзия Н. Некрасова насыщена ими. Век рационализма ставит на первое место необходимость скоростной передачи информации. А эпоха Просвещения, провозглашая своим лозунгом идеи человеческого разума, преклоняясь перед ним, любое душевное содержание относит теперь к несущественному, субъективному аспекту, неточному знанию. Рациональному содержанию в информации отдается приоритет перед чувственным. К чему задаваться вопросом о том, «как сердцу высказать себя», которым мучался Ф. Тютчев в знаменитом "Silentium", (1830), ес-

ли сегодня каждый знает, что правильно высказываться можно только в здравом уме.

Не раз слышали мы идиому «муки слова». Зачем веку рационализма метафизика слова? Ведь дело понятнее и, что самое главное – имеет практические результаты! «Приходилось ли Вам когда-либо слышать выражение «муки дела?»», – спрашивает А. Манцев в своем открытом письме редактору научно-популярной серии «Риторика». – В речи мы разрушаем настоящее, отстаем от него; как только мы начинаем рассуждать, что нужно делать, настоящее перестает нас слушаться» [4, с.63]. Таким образом, истинный человек Новейшего времени – это не «человек говорящий», а «человек действующий». Здесь невольно вспоминается пословица: «Нет того спорее, чем кулаком по шее».

Если словесные действия иллюзорны, обратимы, принадлежат скорее к сфере желаний, игре (например, еще Кант указывал на этимологическую связь между понятиями игра («играю» – *illudo*) и «иллюзия»), то весьма красноречивы в контексте данных размышлений знаменитые слова Талейрана: «Язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли». Справедливость этого утверждения можно продемонстрировать с помощью психоанализа популярных сегодня словесных конструкций. Например, в выступлениях многих лиц публичных профессий (журналистов, депутатов и пр.) очень часто звучит вводный деепричастный оборот «честно говоря». Расхожее мнение о том, что «политика – дело грязное», даже продажное, как и журналистская практика, не случайно закрепились в коллективной психологии. Нет дыма без огня! И дело тут не в честности отдельных политиков и журналистов. Просто выступающий бессознательно хочет обособить себя. Доказать, что к названной когорте деятелей принадлежит лишь по долгу службы, но как личность он абсолютно чист. Поэтому, о чем бы ни говорилось, оратор обязательно добавит к сказанному уверения в том, что честен, хотя никто лично его в нечетности не уличил и уличать не собирался.

Таким образом, вероятно, западни словесного кода нововременного человека заключаются не в видимой иллюзорности словесного действия, когда оно (например, клятва) может аннулироваться тем же словом, а в отречении от истинного, первоначального Слова. Слово было дано в начале как Образ, по которому человек должен сверять свои бытийные действия. Есть это же Слово и в будущем («Я есмь Альфа и Омега, начало и конец», – предупреждает Бог о конце мира, когда «жаждущему дам даром от источника воды живой» [5]). Слово никуда не исчезло вместе с настоящим, в котором человек так активно действует, творит, преобразует все по своему усмотрению, в том числе собствен-

ную речь (вслушаемся в молодежный сленг, слова популярных теле- и радиоведущих и пр.). Просто «миг между прошлым и будущим», который называется жизнь. Шумная, бурная деятельность-творчество разучили человека слушать, отучили быть внимательным к Бытию, сосредотачиваться на его посылах. Между тем, «всякая деятельность, если она осуществляется сосредоточенно, пробуждает (хотя впоследствии и наступает естественная и полезная усталость)» [6, с. 44]. Это пробуждение необходимо для определения направлений и управления в последующем творческой преобразующей деятельностью человека в сегодняшнем мире глобальных катаклизмов, разрушаемой экологии.

Выход, как замечает А.Н. Павленко, обнаруживается в том, что речение речению рознь. Речение остается просто речью, если оно не имеет (уже до всякого акта речения-изречения) в себе некой опоры от подлинных «первых имен Платона» [1]. В своей работе автор пишет: «Рачение» в древнем русском языке означает, прежде всего, «любовь». А затем – «заботу» и «усердие» [1, с. 195]. Значит, речение или речь тогда только являются опорой, когда речь есть одновременно и «реть», то есть – усердие. А это такая речь, которая опирается на сердце, как на твердь, Исток, и тем самым держится в истине. Что, как ни сердце, первым обнаруживает в себе чувство того места, где «мысль изреченная есть ложь» [1, с. 195]!

Проверять все свои побуждения сердцем, потому что «оно есть единый судья, собиратель и хранитель сложенных сокровищ энергий» [7], – призывает Е. Рерих. – «Состав этих сложенных и накопленных энергий и есть наша индивидуальность и судьба. ...Каждая приобретенная энергия привлечет тождественную из пространства, также вызовет во встречных людях соответствующую реакцию» [там же].

Следовательно, различие между творцом и изобретателем проходит там, где изобретатель сам дает бытию имена, а творец обозначает обнаруженное им, но уже содержащееся в Бытии. Творец – это поэт (не только в смысле «стихотворец»)! Он «открывает» открытое ему Логосом, а имитатор «изобретает» нечто взамен не услышанного им у Абсолюта [1]. Причиной этого является неразвитое сердце имитатора, что приводит к усеченности восприятия им бытия. Имитатор не желает утомлять себя вслушиванием в Слово. Ведь это требует не только необходимости воспитания в себе умения внимать, но и времени, которого сегодня человеку катастрофически не хватает.

В этом объяснение разницы весомости «открытия» и «изобретения». Открытие, в какой бы области оно ни было сотворено, всегда имеет в себе то несомненное преимущество, что оно самим фактом своего

существования обращено только к естественному, природному, подлинному, уже данному Бытием. Изобретение, искусственное, неким незаконным способом заменяет подлинное, силится быть его подобием [1].

Таким образом, природа творчества раскрывается в языке через слово, открывается через умение творческого человека слушать Бытие.

Вместе с этим новое слово нового человека хотя и остается пока еще естественным (состоит из естественных, органических звуков, из которых состояли «первые имена»), но оно уже не является подлинным. Оно есть некое подобие сущности подлинного, заложенного в Бытии. Например, не вызывает сомнения то, что имел в виду ямщик, когда покрикивал на лошадей: «Погнали, родимые!». А вот что подразумевает звезда эстрады, когда говорит еще большей эстрадной знаменитости: «Ну, ты гонишь»? Вероятно, возвращаясь к определению Аристотелем причин происхождения слова, «новый человек», призванный привести к господству новое бытие, изрекает слова, которые, действительно, понятны людям только «в силу соглашения». Так Сущее подбирает людей для своего открывания, в соответствии с уровнем, возможностями, силами, проявляет себя через них. Бытийное, неизреченное, молчное слово Космоса «новому человеку» неведомо, потому что он просто не в состоянии его услышать. Такой человек вынужден придумывать слово, приспособлять его под себя. Так бытие неподлинного обнаруживается в неподлинном слове. Оно теряет связь со своим Истоком, а в будущем может стать, как и «само существо, его про–из–носящее, словом самостоятельным» [1, с. 199].

С другой стороны, существуют почти забытые, не употребляемые в быту, литературе слова, которые несут мощную смысловую бытийную нагрузку. Так, у В. Даля мы находим два этимологически разных, но графически одинаковых глагола «спорить». Сопоставление и определение смысловых связей между ними позволяет еще раз убедиться в неполноте, усеченности, опрощении человеческого бытия сегодня. Первое значение слова СПОРИТЬ указывает на опровержение противного или иного мнения, доказательство своего, прекословие. Спор представлен как словесное состязание, устное или письменное прение, где каждая сторона, опровергая мнение противника, отстаивает свое. У автора знаменитого словаря на все эти значения имеются примеры, причем в пословичном фонде явно просматривается знакомая дилемма «словодело»: «У них вечные споры да перекоры. Не ради дела, а ради спора. За спором дело стало. Спор сердца и думки».

Второе значение слова СПОРИТЬ (пора). Кому, чему, чем, помогать, способствовать и приносить пользу. Или улучшать, удобрять; усиливать, увеличивать, приносить счастье, удачу, идти впрок:

Криком изба не рубится, а шумом дело не спорится.

Оттого оно не спорится, что дело не годится.

Не трудно ласковое слово, да споро.

Что скоро, то не споро.

Вранье споро: попутает скоро [8].

Как верно замечает исследователь Г. Николина: «Все-таки работа спорится, когда хорошо спорится!» [9]. Таким образом, пословицы, приведенные В. Далем, заставляют задуматься о значении диалога как творческой работы. Но часто ли сейчас мы видим в диалоге, в самом слове «спор», эту важнейшую его сторону? Действительно, спор стал существовать сегодня в единственном значении – доказывать свое, быть противного или иного мнения, не соглашаться с кем-либо. Спор сегодня толкуется скорее как конфликт, нежели как помощь, спорение.

Таким образом, творчество человека может стать интеграционной

точкой нецельного бытия нового времени. Для этого пока еще природному человеку необходимо услышать Слово истока, слово самой Природы. Другими словами, человеку необходимо прекратить спор сердца и думки, объединить вновь в единое целое чувства и разум как проявление цельности Бытия. Только такое творчество человека, которое

является самообнаружением сущности подлинного бытия, способно стать благодатным, не разрушающим природу и самого носителя этого качества.

Уточняющие вопросы по теме

1. Какая философская концепция античности (Платон, Аристотель) видит связь слова с назначенностью Природе, Бытию?
2. В чем принципиальная разница герменевтического подхода в учениях Платона и Аристотеля?
3. Как следует понимать с позиций герменевтики следующие утверждения:

«Душа Космоса изрекает себя в слове» (Платон);
«Бытие делает себя непотаенным в языке» (Хайдеггер).

4. Сделайте герменевтический анализ выражению «сердечное высказывание».

5. Молчи, скрывайся и таи

И чувства, и мечты свои.

Пусть в душевной глубине встают и заходят оне.

Безмолвно, как звезда в ночи,

Любуйся ими и молчи.

(Тютчев)

О каком безмолвии ведет речь автор? Почему?

6. «Мысль изреченная есть ложь» (Ф. Тютчев)

Дайте пояснения с позиций онтологии и герменевтики.

7. Бытие именует себя в слове. Небытие также именует себя в слове. В чем разница этих имен?

8. Доказательство = Очевидности?

Рассмотрите тождество с позиций Нового времени и классической онтологии.

9. Исследуйте с позиций Нового времени и классической онтологии следующие бытующие мнения:

а) правды – нет;

б) все люди – смертны.

10. В чем заключается природная назначенность для искусственного бытия? В чем заключается природная назначенность для естественного бытия?

11. Имеет ли ложное бытие границы?

12. Может ли жизнь по своей сущности быть ложной?

13. Можно ли сказать, что есть бытие мертвого?

14. Дайте онтологические формулировки ситуации, когда бытие сплошь состоит из искусственного.

15. Дайте герменевтический анализ слову «ум».

16. Усеченный Ум = Рационализму?

17. Восстановите логическую цепочку:

а) человек покорял природу, чтобы

б) ;

в) это воздействие (покорение) на природу привело к

г)..... ;

д) человек не может отказаться от потребления природных благ, он призван вечно

е)..... ;

ж) если нельзя «раскабалить» закабаленную природу, нельзя вернуть ее к первоначальному состоянию, улучшить, изменить ее состояние, то нужно изменить

з)..... ;

и) в этом случае экологическая катастрофа не будет катастрофой, потому что

к)..... .

18. Почему можно утверждать, что гуманизм оказался экологически грязным?

19. Дайте анализ с позиций онтологии утверждениям:

а) «Всему – свое время»;

б) «Не возникает оно (бытие) и не подчиняется смерти, цельное все, без конца, не движется и однородно. Не было в прошлом оно, не будет, но все – в настоящем» (Парменид).

20. Дайте онтологический анализ утверждению:

«Техника есть овеществленная задолженность Нового человека перед соразмерностью будущего».

Список литературы

1. Павленко А.Н. Бытие у своего порога (посильные размышления). – М., 1997. – 211 с.
2. Цит по: А.Н. Павленко Бытие у своего порога (посильные размышления). – М., 1997. – С. 191.
3. Цит по: А.Н. Павленко Бытие у своего порога (посильные размышления). – М., 1997. – С. 190.
4. Манцев А. Homo verbo patiens // Наука убеждать: риторика. – М.: Знание. – 1991. – № 11. – С. 61–63.
5. Откровение 21: 6–7.
6. Фромм Э. Искусство любви // Философия и жизнь. – М.: Знание. – 1991. – № 6. – 51 с.
7. Пазилова В.А., Ахрамович В.П. Факел Рерихов // Философия и жизнь. – М.: Знание. – 1991. – № 7. – С. 42
8. Цит. по: Николина Г.В. Даля – на ночь // Наука убеждать: риторика. – М.: Знание. – 1991. – №11. – С. 60
9. Николина Г.В. Даля – на ночь // Наука убеждать: риторика. – М.: Знание. – 1991. – № 11. – С. 61.

§ 5.

ПРОБЛЕМА ЧУВСТВ И РАЗУМА В ФИЛОСОФИИ

1. Дихотомический подход к проблеме разъединенности разума и чувств.
2. Соотношение социальных программ и философской проблемы разъединенности разума и чувств.
3. Возрастные границы чувственного познания и его роль в организации существования человека.
4. Экологическое мировоззрение как синкретическое единство разума и чувств, творчество – точка их интеграции.

В классической и философской литературе неоднократно исследовался вопрос о наличии и сосуществовании противоположных начал человеческой личности: интеллектуальных и эмоционально-психологических реакций. Какие из них важнее? Правомерно ли ставить таким образом вопрос?

Вот мнение героя новеллы «Локис» П. Мериме: «Вы так уверенно говорите о разуме! Но разве он всегда, как вы утверждаете, на страже, чтобы руководить нашими поступками? Для того чтобы разум заговорил в нас и заставил себе повиноваться, нужно поразмыслить, следовательно, необходимо время и спокойствие духа. А всегда ли вы располагаете и тем, и другим? В сражении я вижу, что на меня летит ядро; я отстраняюсь и этим открываю своего друга, ради которого я охотно отдал бы свою жизнь, будь у меня время для размышления» [1, с. 299–300].

Архимандрит Рафаил (Карелин) в работе «Христианство и модернизм» цитирует Филона, указывая на разделение с библейских времен (пусть образное, фигуральное), разума и чувств: «Ева – это чувства, Адам – это разум». «Чувство обольстило разум, – размышляет архимандрит, – и потому в самих себе мы беспрестанно видим падение Адама. Видим, как наши чувства и страсти обманывают и пленяют наш ум» [2, с. 24]. Автор неизбежно приходит к выводу о том, что без взаимодействия ума с чувствами, то есть без религиозной интуиции, человек «неизбежно впадает в грех, фиксирует внешние явления, но не способен постигать идеи и взаимосвязь вещей и явлений» [там же, с. 25].

Патологическая страсть науки и философии к расчленению, изоляции явлений бытия друг от друга в процессе их изучения досталась по-

знанию в наследство от Аристотеля. Но даже он в своем учении о произвольных и непроизвольных действиях приходит к выводу о необходимости гармонии рационального и чувственного. Произвольность действия в силу того, что ее стимулы суть желания самого человека и соответствуют его целям, ставят перед субъектом проблему свободы воли по отношению к необходимости. Так утверждается идея «середины» [3], гармонии рационального и чувственного начала в действиях человека.

Между тем, еще в XIX веке понятие «ум» обозначало не только рациональность. Говоря о человеке «умный», в первую очередь имели в виду его умение чувствовать истину. «Умь» значил, прежде всего, душу и духовные силы, а потом – разум, знание и рассудок. Равно как и «умьный» означало, прежде всего, – духовный. «Умь», усеченный, лишенный духовной опоры, легко и последовательно привел к тому, что принято называть теперешним словом «рацио» и «рационализм» [4, с. 205]. Да, человек довольно успешно приспособился к миру материи с помощью интеллекта. Однако интеллект, разлагая целостность мира до его элементов, в последующих своих реконструкциях естественное течение жизни замещает искусственным движением. Интеллект удерживает общее, повторяющееся лишь ценой утраты уникального.

Жан–Жак Руссо, описывая чувства, разоблачает опасность, таящуюся в жестком рационализме. Он утверждает в своих работах, что разум без инстинктов и страстей становится академичным, бесплодным, а инстинкты и страсти без дисциплины разума ведут к индивидуализму, анархии и хаосу [5]. Поэтому мы утверждаем, что только рассудочными методами познания невозможно уловить Бытие.

Исторически пульсирующий интерес философских исследований то к разуму, то к чувствам к середине XIX века на передний план выдвигает иррационалистические концепции. Все они в той или иной мере обращаются к металогическому мышлению, позволяющему «сердцу высказать себя» [6]. Так философия христианства, представляемая, в частности, отцом С.Н. Булгаковым [7], [8], [9], несет в себе вместе с пониманием логического мышления (как результата несовершенства греховного человека) и одновременно ясновидения (как свойства безгреховности субъекта) основания для творческого подвига личности, его духовности.

По мнению отца П. Флоренского, исследуемый им закон тождества действует как разрушительная сила, которая убивает творческое начало в человеке, превращает личность в вещь [10]. Победу над этим законом он видит как одно из главных условий возрождения духовного измерения человека, становления личности.

Творческая эволюция А. Бергсона также видит картину мира и эволюцию отношений природы и человека по-новому, включая в познание мира не разделенные чувства и разум, а особую синкретическую способность – интуицию [11].

Интуиция как внезапное проникновение в истину – предмет исследования философии всеединства В. Соловьева [12]. То есть, как указывает А.Н. Павленко, «слово, привнесенное в ум сердечным движением души, возникшее в уме помимо его «работы», есть как раз то, что в нововременной философии принято называть интуицией – прямым непосредственным усмотрением сущности» [4, с. 198]. Другими словами, «...душа словно бы запирает ум – его чистую рефлексию, в результате чего он сказывается неосознанно. Но не в том смысле, что сказывание ума напоминает безумный бред, а в том, что ум только направляет форму мысли, содержание и природа которой оказываются вне его власти» [там же]. Таким образом, философия, благодаря своему историческому прозрению предлагает способ познания бытия для последующего устройства в нем человека и его отношений, в том числе и с природой. Этим способом можно назвать творчество, синкретично объединяющее в себе и чувства, и разум.

Социум в создаваемых им современных образовательных и воспитательных программах формированию эмоционального компонента отводит дошкольное детство. И именно на этом строится ряд специальных программ в системе общественного дошкольного воспитания. Поскольку в филогенезе логическое мышление, основанное на определенной базе знаний, появляется к 6–7 годам, то поведение человека до этого возраста строится вне попыток активно влиять на ход событий, он готов принять все, что есть; живет в длящемся настоящем, ощущая собственное бытие. Не исключением является и его поведение в природе. Ребенок не отделяет ее от себя, как и весь окружающий мир. Он ощущает бескорыстную радость бытия и разворачивает здесь свою активность, не связанную с корыстным, заинтересованным отношением к мирским благам. Например, дети ухаживают за растением вовсе не потому, что оно принесет плоды в будущем, которыми можно будет воспользоваться. Их интересует сам процесс, а не перспектива результатов собственного труда.

Однако практическая деятельность невольно приводит к осознанию автономии своей личности, отделению от природы. В практической деятельности, отстаивая свое право на существование, человек испытывает заботу и другие чувства, которые программируют его на дальнейшую деятельность, лишая при этом радости бытия. Отметим, что экспериментальное естествознание, элементарная натуралистиче-

ская исследовательская деятельность официально включены в воспитательно-образовательные программы детских садов. Таким образом, радостный опыт переживания человеком непосредственного бескорыстного бытия оказывается бесконечно малым. Чем более важным становится обладание жизненными благами, тем более человек стремится к деятельности, преобразованию природы. Следовательно, обществу в образовательных проектах дошкольного воспитания следовало бы, в первую очередь, формировать чувственный компонент экологического мировоззрения. Образовательные программы дошкольных учреждений, призванные осуществить это в процессе онтогенеза, нуждаются в анализе не столько с точки зрения познавательного базиса, сколько с точки зрения философского обоснования. Это позволило бы человечеству сосредоточить максимум внимания на процессе воссоздания радостного бытийного состояния человека в дошкольный период жизни (в том числе и на фоне природы). Эмоциональный опыт обеспечит человеку запоминание, например, шума дождя, который будет не только сниться, но и может определить бессознательные экологические программы поведения.

Акцент на формировании экологического мировоззрения в период от рождения до семи лет поставлен намеренно. Это связано с особой значимостью названного периода жизни для дальнейшего развития. Укажем на фантастичность скорости освоения субъектом до пятилетнего возраста опыта тысячелетней истории, созданной многомиллионными народами, в частности, на овладение формами родной речи во всем ее многообразии. И все это тогда, когда логическое мышление только еще начинает складываться, а главный способ контакта с Бытием – чувства! «Разве не тогда, – пишет Л.Н. Толстой, – я приобретал все то, чем я теперь живу, и приобретал так много, так быстро, что во всю остальную жизнь я не приобрел и одной сотой того? От пятилетнего ребенка до меня только шаг. А от новорожденного до пятилетнего страшное расстояние» [13, с. 247]. Комментарии, как говорится, излишни!

Значимость чувств в жизни подростка не менее важна, чем в жизни дошкольника. Но это предмет особого разговора. Сегодня мы исследуем формирование экологического мировоззрения студентов технических вузов. И хотя процесс имеет свои специфические черты, тем не менее, проходит он в тесной связи с предшествующими возрастными периодами. Значит ли это, что эмоциональный компонент в мировоззрении юношества должен уже лишь дополняться, а лучше сказать – уточняться? Действительно ли юношество, студенты в частности, в бытийном выборе опираются только на логику? Значит ли, что обучение субъектов в этом возрасте должно опираться только на разумность, практическую выгоду?

Наше социологическое исследование показало, что ответы будущих инженеров носят эмоциональный характер (около 52 %), а главной ценностью студенты называют эмоциональные отношения.

Рациональное и нерациональное причудливо переплетаются в поступках человека. Потому совершенно несостоятельно игнорировать какую-либо из этих сторон человеческой личности.

Не отрицая важности чувственного уровня экологического сознания, мы понимаем, что без точного знания в области самых различных наук (антропологии, физики и пр.), без научного компонента экологического мировоззрения человечество не предотвратит экологическую катастрофу, следовательно, не исполнит до конца своего космического предназначения, обозначенного В.И. Вернадским. Лишь в сочетании с универсальными знаниями чувства позволят обеспечить перспективное видение проблемы.

Кроме того, представляется необычайно важным структурным компонентом экологического сознания творческое воображение. Это качество новое и уникальное для животного мира.

Классики диалектического материализма отмечали, что первопричиной потребительского, узкоутилитарного отношения к природе стало материальное производство, а точнее получение немедленной выгоды от него и природы. «Все существующие до сих пор способы производства имели в виду достижение ближайших наиболее непосредственных полезных эффектов труда» [14]. Сегодня, возвращаясь к мысли об уникальности человека и его радикальном отличии от животных, ученые признают такую его особенность, как «способность планировать на основе творческого воображения» [15]. Продолжая цитировать Р. Докинза, отметим, что «единственное, что имело значение для эволюции, всегда была сиюминутная выгода, будущая польза никогда не принималась в расчет. Никогда ничто не эволюционировало, если это наносило ущерб сиюминутному благу особи. И только сейчас возможно, чтобы, по крайней мере, кто-нибудь из людей сказал: «Давай забудем о том, какую прибыль принесет вырубка этого леса сейчас; давай подумаем, к чему это приведет позднее». Я полагаю, это качество (творческое воображение) поистине новое и уникальное» [15]. Таким образом, экологическое сознание своим обязательным структурным компонентом должно иметь знания, которые даёт экология растений и человека, глобальная, социальная и другие экологические науки. Но не менее важным структурным элементом экологического сознания являются чувства, убеждения, в том числе убеждения человека и общества в необходимости разумной целенаправленности воздействий на природу, экологизации производственной и общественной деятельности.

Экологическое сознание включает и активный, деятельностный компонент (умение воплощать свою волю в конкретных формах рационального природопользования), а также творческое воображение как уникальнейшее качество, принадлежащее в животном мире только человеку, выделяющее его из этого мира и обязывающее ко многому.

Философский анализ интеллектуальной составляющей экологического мировоззрения позволяет сравнить и увидеть процесс изменений в области этики, морали и других субъективных детерминант экологического мировоззрения. Например, философскому анализу могут быть подвергнуты и изменения в области межличностных контактов в технологической среде. Так, во всех религиях благодарность была главным элементом молитвы. Сегодня главное в молитве, как отмечает Т. Имамичи, просьба молящегося к богу. Подобная «психическая реакция закономерна в век автоматов, когда нет необходимости благодарить за полученное» [16, с. 81]. Естественно, что непосредственно в сфере воспитания студентов следует обратить внимание на этот феномен, когда отсутствие благодарности закономерно переносится в среду межличностных контактов и контактов с природой.

Важнейшим аспектом всемирной философии была мысль о суетности жизни, призыв к аскетизму. Поэтому, формируя интеллектуальный базис экологического мировоззрения, следует особо обратиться к философской категории – форме, которая в границах всего живого имеет естественные предопределения.

Итак, эмоциональный и интеллектуальный компоненты – важные составляющие экологического мировоззрения. Однако их содержание нет возможности подробно рассматривать в данном пособии.

Уточняющие вопросы по теме

1. Так ли дихотомичен философский подход к проблеме разъединенности разума и чувств?
2. Подумайте над вопросом о том, в какой мере можно признать субъективность познания с помощью чувств и объективность познания с помощью разума?
3. Каковы последствия трансформации соотношения разума и чувств, их взаимосвязи в мировоззрении человека?
4. Почему формирование экологического мировоззрения возможно лишь на основе объединения разума и чувств в процессе организации существования человека? Можно ли считать творчество точкой их синкретического объединения?

Список литературы

1. Мериме П. Новеллы. – М.: Художественная литература, 1978. – 349 с.
2. Архимандрит Рафаил (Карелин). Христианство и модернизм. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2001. – 300 с.
3. Аристотель. Никомахова этика. II 5.
4. Павленко А.Н. Бытие у своего порога (посильные размышления). – М., 1997. – 211 с.
5. Ж.-Ж. Руссо. Педагогические сочинения: В 2-х т. / Под. ред. [и с вступит. статьей] Г.Н. Ждибладзе. – М.: Педагогика, 1981. – 22 с. – (Пед. б-ка).
6. Тютчев Ф.И. Избранное. – Ростов–на–Дону: Феникс, 1995. – С. 60.
7. Булгаков С.Н. Два града: Исследования о природе общественных идеалов / Русский христианский ин-т; изд. подготовил В.В. Сапов. – СПб.: Изд-во: РХГИ, 1997. – 589 с. Указ. имен и цит. лит-ры: С. 566–588. ISBN 5888120421: 45000.00 ЮЗ (2)6–632.
6. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения / Подгот. текста и коммент. В.В. Сапова, Послесл. К.М. Долгова. – М.: Республика, 1994. – 416 с.: ил. Коммент.: С. 365–401; Указ. Имен: 402–411. ISBN 5250 021409:5800.00 ЮЗ(2)–6–632
7. Булгаков С., протоирей. Православие. Очерки учения Православной Церкви. – 3-е изд. – Париж: УМСА-PRESS, 1989. – 403, /1/ с.
8. Мазуров Б.Ф. Теодицея в религиозной философии П.А. Флоренского: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. 09.00.03. – М. – 1997. – 26 с.
9. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память: Пер. с фр. / Анри Бергсон. – Минск: Харвест, 1999. – 14.07 [1]с. – (Классическая философская мысль); См. об этом Воронов А.И. Интуитивная философия Бергсона. – М. 1962.
10. Соловьев В.С. Смысл Любви // Русский космизм: Антология философской мысли. М., – 1993. – С. 97–103.
11. Толстой Л.Н. Первые воспоминания. Собр. соч.: В 10 т. М., 1948. Т.10. – С. 247.
12. Ленин В.И. // Полн. собр. соч. Т. 18. – 200 с.
13. Цит. по Why Cares About You? Drusk: Watchpower Bible and Tract Society of New York, Ins. International Bible Students Association Brooklin, New York, U.S.A. – 1978. – p. 69.
14. Имамичи Т. Моральный кризис и метатехнические проблемы // Вопросы философии. – 1995. – № 3. – С. 73–82.

§ 6.

КРАСОТА ПРИРОДЫ И ТВОРЧЕСТВО В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА

1. Антропоцентризм и эгоцентризм в определении понятия «природа».
2. Проблема красоты природы в историческом аспекте.
3. Связь проблемы красоты природы с проблемой творчества.
4. Творчество поэта как озвучивание красоты природы и выражение бытийного знания.
5. Развитие эстетического чувства и творческого отношения к жизни – два способа решения задачи преодоления экологического кризиса.
6. Эстетика природы – основа жизненного тонуса и творчества человека.

Сегодня наиболее устоявшееся определение природы указывает, прежде всего, на окружающий мир человека во всем его бесконечном многообразии. Природа как объективная реальность, существующая вне и независимо от сознания человека, представляется естественной основой его жизнедеятельности и общества в целом. Другими словами, вне естественной природы человек существовать и развиваться не сможет. Поэтому подход к природе только как к окружающей среде, как к средству достижения каких-либо его целей разрушителен, опасен. Он грозит вырождением, ставит точку в процессе эволюции человека естественно-го.

Философское осмысление отношений человека и природы позволяет сделать выводы о том, что человек не только вырастает из нее благодаря материальному производству, но и вращается в природу, становится все более зависимым от нее. Так, в частности, духовная зависимость от природы может быть продемонстрирована языковыми структурами. Например, «русское поле» или «украинская ночь» не являются только географическим и временным понятиями. На чувственном базисе очарования и прелести родной природы возникают чувства общественной значимости: единение со своей землей, Родиной, патриотизм.

Отказываясь от исключительно утилитарного, производственного назначения в жизни общества, философия предлагает человечеству увидеть в природе источник красоты, радости и вдохновения как противопоставление разрушающей и порочной техногенной цивилизации.

История исследований проблемы красоты природы ведет свое начало с мифологических времен. Следует отметить сложность практической ситуации, в которой находился человек первобытно-общинного общества. Бесконечно могущественная и суровая природа ставила его в зависимость от непредвиденных, случайных обстоятельств. Только через коллектив индивид

приспосабливался к природе. Она и воспринималась тогда через призму коллективного родового сознания (тотемы, первобытные культы). Поэтому продукты духовно-практической деятельности, которые принято называть произведениями первобытного искусства, отражали не столько собственно красоту природы и соответствующие ощущения индивида, сколько традиции рода, родовое сознание. Мифология, став базой развития искусства всех народов, подготовила соответствующий уровень развития художественного сознания. Впоследствии это проявится в способности индивида видеть красоту природы.

Однако еще античность в своей рефлексии над духовной деятельностью человека понимает красоту как атрибут самого мира, а не взирающего на этот мир человека. Вводя эстетические понятия красоты, меры, гармонии, совершенства в состав основных категорий бытия, античное искусство предписывает необходимость подражания природе (причем, как можно лучше) под страхом наказания, поскольку Космос, вся окружающая природа прекрасны. Здесь красота понимается (например, Платоном) как своеобразная идея, постичь которую человек может лишь в особом одержимом состоянии. Это не есть красота самих живых существ, не есть чисто природное свойство внешних предметов. Красота сверхчувственна, надприродна. Красота – следствие первичности духа.

Средневековье, предлагая концепцию божественного происхождения красоты, признает эстетические свойства материи лишь в той части, где косная материя понимается как одухотворенная Богом.

В книге Бытия все шесть дней творения сопровождаются удовлетворенным Божественным созерцанием того, что создано: «И увидел

Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один» [Бытие 1: 1–5]. Шестой день творения особо примечателен: «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма [Бытие 1: 31]. Таким образом, и трава, сеющая семя, и дерево, приносящее плод, в котором семя по роду его [Бытие 1: 11-13], и душа животных пресмыкающихся, которых произвела вода, и всякая птица пернатая [Бытие 1: 20–23], и скоты, и гады, и звери земные по роду их, а также мужчина и женщина, сотворенные по образу Божию [Бытие 1: 24–28, 31], – все то, что называется природой, достойно любования. Не просто «хорошо», а «хорошо весьма», и даже совершенно: «Совершенны небо и земля, и все воинство их» [Бытие 2: 1]. Такова оценка Богом своего труда.

Эпоха Возрождения радость восприятия красоты природы передает человеку. Причем человеческое искусство рассматривается как зеркало, отражающее ее. И чем точнее это отражение, тем более оно достойно поклонения само по себе. Красота природных форм, в частности человеческого тела, также становится самостоятельным объектом для восхищения. В отличие от средних веков, теперь красота природы не есть любование, прежде всего, результатами божественных усилий.

Существенное отличие имеется и в подходах к красоте форм природы эпохи Возрождения и Античности, когда красота человеческого тела (видимое) и души (невидимое) воспринимались не как нечто самодостаточное, а лишь как выражение гармонии макрокосмоса в микрокосмосе, целого в его части.

Вот так в эпоху Возрождения, в отличие от средних веков, пропадает сверхчувственность красоты природы, ее высота. Как, впрочем, высота творчества в античности, признавая за созерцанием первенство, эта эпоха тем самым отводила творчеству лишь подражательную роль. Высота же творчества в средние века несоизмерима ни с чем, так как это приоритет Бога.

Последующие эпохи продолжают наметившуюся тенденцию. Так, эстетика классицизма (Буало) сводит прекрасное к изящному. Прекрасна не вся природа, а лишь ухоженная. Французские просветители XVIII века (Вольтер, Дидро и пр.) видят в прекрасном естественные свойства самой природы (вес, цвет, объем и пр.). Категории эстетики, как, впрочем, категории любой науки, стремящейся познать целое по его частям, выделяют целый ряд разновидностей прекрасного. Например, грациозное, изящное, возвышенное, поэтическое и др. В этом гносеологическом поиске высота красоты природы (целое) выступает в виде препарированного, испещренного шрамами, кое-как соединенного из частей вполне обыденного явления. Так, грациозное и изящное, харак-

теризуя ту особенность живой природы, которая связана с пропорциями в сложении, легкостью и ловкостью движений, хрупкостью, абстрагирует эти качества от жизни. Теперь, например, хрупкость статуэтки животного может стать достойной большего внимания (склеенное – не целое!), чем хрупкость конструкций живого существа (еще вырастет или регенерирует!).

Справедливости ради следует сказать об особом месте, которое занимает понятие «поэтического» во множестве оттенков красоты. Поэзия смогла сохранить и показать природу не просто во всей ее красоте, но и во всей целостности, а значит жизненности:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик.
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык (Ф. Тютчев).

Скрытая жизнь природы, так похожая на жизнь человека, – это не догадка. Это поэтическое знание. Оно опирается на умение поэта внимать, слышать. Видимо, не случайны поэтические откровения предыдущих веков (когда еще не могло идти речи об экологическом кризисе, угрожающем сегодня человечеству), в которых указано на возникновение пропасти между человеком и матерью-природой:

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе.
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.
Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

Таким образом, поэтическое как выражение красоты природы представляется не столько осмысленным восприятием и отражением происходящего в мире с последующим выплеском на бумагу мыслей, сколько отражением чувств как нерационального знания.

Возвращаясь к истории вопроса «красота природы», отметим, что рационализм Просвещения находит последовательное развитие в философии последующих эпох. Материализм, признавая, что все, что окружает человека на Земле и в обозримом Космосе, актуально или потенциально способно вызвать эстетические переживания, тем временем утверждает: само по себе, в своей собственной данности это окружение ни красиво и ни уродливо. Цвет, форма, запахи, звуки природы несут в себе изначально возможность воздействия на человека. Эти физические, физиологические и другие естественные свойства нетождественны кра-

соте. Лишь индивид вносит красоту в природу. Сама по себе она внеэстетична, как, впрочем, неморальна, нелогична. Природа обладает красотой лишь в том случае, если человеческое восприятие наделило ее прекрасным. Другими словами, эстетическая значимость природных объектов открывается человеку только в процессе материально-духовного преобразования природы. Когда природные объекты включаются в общественную практику, то это придает им собственно человеческое содержание: чувства, смысл. Словом, все то, что составляет основу эстетического отношения.

С рассуждениями материализма можно согласиться в той их части, где красота природы открывается человеку постепенно, поскольку на ранних этапах его развития и становления она оставалась закрытой для эстетического переживания (в силу тотальной зависимости от стихий). Неосвоенная, она противостояла человеку, как грозная сила, которой просто необходимо было подчиниться. По мере вовлечения человеком в сферу своего практического творческого воздействия многообразных предметов и явлений природы, он утверждает свое материальное и духовное господство над нею.

К тезису о духовном господстве человека над природой мы еще вернемся. Он представляется весьма спорным. Что же касается положения о том, что в преобразуемом им мире человек видит свою собственную сущность и по отношению к осваиваемым в труде предметам и явлениям применяет человеческую меру, замечает в них только то, что соответствует его субъективному опыту, представлениям о красоте, заметим: значит ли это, что объективно красоты нет?! Как раз, если принять возможность объективности красоты («Космос – совершенен, красив»; все созданное Богом – совершенно, красиво), то становится понятным, почему в мире трансформированного Бытия понимание красоты подвергалось и подвергается, особенно сегодня, таким перекосам. Напомним закрепившиеся в обыденной речи выражения: «Ужасно красиво», «Ласковый мерзавец», «Прекрасный червяк» и пр.

Красота природы объективно существует. Она есть и будет вне зависимости от того, есть ли, будет ли существовать человек. Просто он озвучивает «музыку космических сфер» лишь в той степени, что соответствует развитию его внутреннего слуха. Можно сказать по-другому: понимание красоты соответствует его индивидуальному развитию. Эстетические свойства явлений природы дано видеть и слышать лишь эстетически развитому глазу и уху человека. Здесь наше мнение совпадает с выводами материалистов: эстетические явления человек определяет в меру всемирно-исторического развития общества и его производства. Здравый смысл воспринимает «сверхчувственные» общественно-

исторические черты природных объектов как их собственную природу, наделяет предметы эстетической природой. В эстетическом воплощаются природные и социальные особенности предмета в их соотношении с практикой человека, в их значении для человечества как рода.

Развитое эстетическое чувство делает личность индивидуально неповторимой. Человек с развитым эстетическим чувством – это человек творческого порыва, с творческим отношением к жизни. Творческий импульс жизни повышает общий тонус жизнедеятельности, усиливает жизнеспособность, дает человеку ощущение своей оригинальности и социальной значимости.

Эстетическое сознание в той или иной стадии развития образует составную часть духовного богатства людей. Вместе с тем, возвращаясь к сказанному, представляются спорными тезисы материализма о духовном превосходстве человека над природой. Красота природы – главная книга, свод законов для постижения человеком и подражания им. Законов невербальных. Законов, которые человеку лишь предстоит еще осознать и прочувствовать. Например, закон бескорыстного, безропотного служения животных человеку. Каким бы ни был хозяин, животное предано ему! Мы воспринимаем это как данность. Однако стоит удивиться красоте этого служения. Оно заслуживает особых размышлений. Во всяком случае, быть абсолютно уверенным в том, что сегодняшней человек духовно выше природы, может только, мягко говоря, не очень внимательный исследователь.

Более того, природа, так безжалостно уничтожаемая техногенной цивилизацией, снова и снова преподносит человечеству эстетический урок своей живучестью. Ее жизненность восхищает, заставляет обратить на себя внимание, преклониться перед нею. Таким образом, Жизнь как эстетическая категория и абсолютная бытийная ценность вновь выступает на арену дискуссий. Но это уже предмет обсуждения для следующих частей пособия.

Уточняющие вопросы по теме

1. Дайте наиболее устоявшееся определение понятию «природа». Докажите, что в нем изначально заложен антропоцентристский подход, следствием которого являются мировоззренческие трансформации, ведущие к глобальным экологическим проблемам.

2. Каким образом красота природы может стать человеку опорой в духовном единении с ней, а в последующем послужить противопоставлением тандема «человек–природа» порочной техногенной цивилизации?
3. В чем заключаются особенности восприятия красоты природы человеком первобытно-общинного общества?
4. Как трактовалась красота природы в античной философии?
5. В чем особенности толкования Античностью и Средневековьем «надприродности» красоты природы?
6. В чем вы видите преемственность в понимании красоты природы в эпохи, следовавшие за Возрождением?
7. Каким образом понимание красоты природы связано с проблемой творчества в разные исторические эпохи?
8. Укажите произведения искусства, в том числе поэтические произведения, где художественным языком озвучено предчувствие экологической катастрофы?
9. Что вкладывается философией в понятия «объективность и субъективность красоты», в том числе природы? Приведите свои примеры.
10. Оспорьте тезис диалектического материализма о духовном господстве человека над природой.
11. Согласны ли вы с положением о том, что человек с развитым эстетическим чувством – это человек с развитым творческим отношением к жизни, с высоким жизненным тонусом?
12. Зачем специалисту с высшим техническим образованием развивать свои эстетические чувства?

Список литературы

1. Турмов Г.П., Жучков О.А. Региональные особенности высшего технического образования // Проблемы и практика инженерного образования: Тр. IV Международной научно-практической конференции. 14–17 марта 2000г. – Томск. – Томск, 2000. – С. 8–39.
2. Драч Г.В. Культура и разум: Конвергенция или дивергенция // Вопросы философии. – 2003. – № 8. – С. 37–48.
3. Рубанов В.Г. О некоторых вопросах преодоления отчуждения в формировании личности специалиста в вузе // Роль гуманизации образования в развитии духовной культуры личности: тез. докл. регион. конф. 7–10 июня 1990г. – Томск, 1990.

§ 7.

ПРИРОДА, ЖИЗНЬ, ТВОРЧЕСТВО И ЭКОЛОГИЯ ДУШИ

1. Глобальный экологический кризис и трансформация мировоззрения.
2. Отражение проблемы соотношения материального и идеального в диаде «человек – личность».
3. Творчество человека и обеспечение качества его жизни.
4. Слияние чувственного и рационального в восприятии человеком Бытия как средство спасения жизни, природы.
5. Творчество как необходимое качество любого специалиста в условиях экологического кризиса.

Мир стремительно летит в пропасть экологической катастрофы. Это является следствием стремления человека нововременного, как мы выяснили в предыдущих лекциях, к перевернутым в мире перевернутого Бытия ценностям, а значит не живым, а мертвым ценностям, целям и идеалам. Как остановить это падение? Философские исследования утверждают – только через исправление мировоззренческих трансформаций.

В то же время власть имущие прагматики, обладающие мощным аппаратом для духовных манипуляций и имеющие в этой области непревзойденный опыт, не считают необходимым серьезно работать с духовными проблемами общества. Может, это и не нужно делать? Может, действительно бесполезно тратить материальные средства?

Обратимся к диаде «человек – личность». Эта проблема подробно рассмотрена в работе С.Ф. Минаковой [1]. Она отмечает, что первая составляющая диады представлена материально в материальном мире. Личность – образование идеальное. Она как невещное, надматериальное начало способна отрываться от действительности, фантазировать, создавать проекты. Но, самое главное, по мнению автора, личность способна отрываться от естественной назначенности человека к жизни. Такая отчужденная личность, безответственная перед жизнью, да еще и вооруженная знаниями, представляет серьезную угрозу живому на Земле. В самолюбовании своими возможностями, когда «человек уже в состоянии воздействовать на живую материю таким образом, чтобы понизить ее статус, превратить живое в неживое, сложное в элементарное, возвышенное и великое – в низменное и примитивное – **уничтожить мир живой материи...**» [1, с. 69], личность готова уничтожить самого человека – своего носителя.

Личность, будучи надматериальным началом, имеет естественное происхождение. В отличие от животных, для того чтобы жить, человек должен был творить то, чего нет в природе. Чтобы выжить в природе, он вынужден был стать творцом (субъектом, личностью), так как только личность способна регулировать поведение целями, когда результат ожидается десятками лет, а не удовлетворяется немедленно (как это происходит в случае регуляции поведения инстинктами). Личность способна ради цели, ради производственной необходимости отодвинуть биологические потребности на последний план.

Будучи вторичной и появившись ради обеспечения качества Жизни материального человека, идеальное образование – личность – захватывает его тело и делает своим инструментом, использует для своих целей. Она регулирует внимание и первоочередность выполнения естественных природных требований организма и общества; она задает смыслы, стремится и ведет к их достижению; она конкурирует, сравнивает и выбирает систему ценностей, в соответствии с которой направляет деятельность; она решает, что и каким способом делать.

Важнейший вывод работы С.Ф. Минаковой заключается в том что, обладая способностью мыслить, человек часто поступает вопреки этой способности, следуя зову «собственно личности», становясь ее пленником: «Драма человека состоит в том что, обладая способностью мыслить, в решении практических вопросов он далеко не всегда пользуется этим инструментом, потому что *детерминирует поведение человека не разум, а «собственно» личность* – этот арбитр требований разума и чувств, тела и духа, чести и подлости, жадности и альтруизма, эгоизма и подвижничества, любви и ненависти, собственных духовных требований и требований среды» [1, с. 34]. Неукротенная, некультуренная личность способна поступать вопреки здравому смыслу, а прагматизм и утилитарность производственной необходимости, необходимость выжить определили в нарождающейся личности отчужденный рационализм. Сохранившиеся чувства сострадания, взаимопомощи, доброжелательности, человечности – все то, что помогло человеческому роду выжить, исчезает в индивидуальной личности и, как следствие, отчуждает ее саму от жизни. «Личность – горький плод материи и материальных отношений. Но это шустрое дитя материального мира, будучи бесплотным и надматериальным, из-за отсутствия способности разобраться в собственной системе ценностей и следовать стихии социальных импульсов оказалось безответственным перед Жизнью» [1, с. 69]. Личность способна направить собственное тело на гибель за престиж, власть, из зависти, ревности. Тем более – это касается других людей. Контакт между живым и неживым с появлением Жизни на Земле вдруг

приобрел мертвенный цвет в мире человеческой субъектности. У человечества осталось не так уж много времени, чтобы упорядочить свои отношения с природой и не скатиться в пропасть глобального экологического кризиса. Но субъект, личность, как зачарованная, привязана к мертвым ценностям: власти, силе, деньгам.

Таким образом, экологическая проблема не биологическая проблема. Экология как биологическая наука бессильна ее решить. Она борется с материальными последствиями глобальной экологической катастрофы, не затрагивая идеальных причин губительной для Жизни на Земле материальной деятельности людей.

Если экология – наука о нашем общем доме (экосе) Земле, то нужна экология личности – наука о его безумном хозяине. Хозяине, деятельность которого вполне в соответствии с небытийными установками Новейшего времени сосредоточена на разрушении и уничтожении своего естественного, назначенного Бытием дома и служит не Жизни, а Смерти: «одно из глубочайших и острейших противоречий человека – как биологическое существо, как живой организм, как животное, как тело, как плоть он по-прежнему обладает инстинктом жизни, любит жизнь, **хочет жить** и боится смерти, как личность, человек может преодолевать эти естественные чувства любви к жизни и страха перед смертью» [1, с. 66].

Личность современного человека, ориентированного на мертвые ценности, нуждается в переориентации на Жизнь. Это должно стать первой целью науки, образования, искусства, литературы, средств массовой информации, власти и религии. Следует отметить при этом, что религия, например, в проповеди идеалов, возвышающих и укрощающих личность, имеет высокие достижения. Однако, несмотря на то, что ей удалось выработать мощные средства психологического воздействия на людей, тем не менее, она не выполнила своего предназначения. Религия оказалась не на высоте, прежде всего, потому, что бюрократизирована и отчуждена от личности. Не меньше претензий может быть у человечества к таким социальным институтам, как наука, образование, искусство, литература, средства массовой информации, власть. **«Источником отчуждения личности служат дегуманизированные социальные институты и организации общества и дегуманизированные агрессивные люди, уверенные в необходимости самозащиты (закрытости) от враждебного и опасного мира, от людей и организаций – таков замкнутый круг зла и ненависти, уносящий жизнь на Земле в бездну небытия»** [1, с. 71].

Так что же может сделать человека возвышенным, облагородить его душу, укротить лицемерие, ложь, тщеславие, жадность, зависть?

Что спасет от гибели Природу и человека как ее часть? Экология личности дает ответ на этот вопрос. Для его решения необходима гуманизация образовательной среды, преподавателей и учащихся, становление гражданского общества, способного употреблять знания в соответствии с требованиями экологического императива.

Экологическими знаниями в настоящее время должен обладать человек любой профессии и общество в целом, так как принять решение на уровне района, города, государства крайне сложно. Здесь решающую роль выполняют общественные массы, а не специалисты в области окружающей среды. Общие экологические знания основной массы населения, экологическое мировоззрение масс – это и есть то необходимое звено, которое позволит повысить качество природной среды, соответственно и качество жизни людей.

Для формирования экологического мировоззрения необходимы и возможны техники манипуляции общественным сознанием, так хорошо освоенные политиками ради утилитарных сиюминутных личных политических амбиций. Например, великая роль средств массовой информации как социального института и людей, его одухотворяющих, заключается в том, что они, осознав свою великую миссию в спасении Жизни на земле, должны не бесстрастно фиксировать развитие катастрофы, а предотвратить ее с помощью гуманистически ориентированных технологий. Гуманизм и творчество, как его составляющая, должны стать мериллом и целью развития личности и общества. Гуманизация образования и общества не должны быть процессом стихийным. Гуманизму и творчеству следует обучать, как счету и письму. Человеку необходимо помогать двигаться в русле гуманизма и творчества на протяжении всей его жизни. «С пеленок, в школе и вузе, ежедневно и еженощно средствами СМИ, литературы и искусства, в социальных институтах и организациях, с которыми личность ежедневно сталкивается и в которых она участвует, она должна получать **прививку гуманизма**» [1, с. 73].

Проблема облагораживания личности остра и нуждается в постоянном контроле со стороны общества, так как отпущенная на волю стихии личность, вооруженная властью и современным оружием, смертельно опасна, предсказуема в своем негативном отношении к жизни. Ей необходима постоянная прививка гуманизма, причем гуманизма, прежде всего, прагматического. Сегодня одного возвышающего душу размышления уже недостаточно.

Личность нуждается в изучении законов ее функционирования. Они до сих пор не изучены. Личность плохо понимает себя, все еще не окультурена, не гуманизирована. В этом случае перед личностью рас-

крываются двойкие, но прямо противоположные по своим перспективам развития возможности: она может идти как по пути ведущему к абсолюту, добру, так и по пути бездонного падения, отпадения от вечного Истока.

Гуманизм имеет исторически объективные предпосылки, и связаны они не в последнюю очередь с материальным производством. Сегодня техника и технологии освободили человека от рутинного изматывающего труда, одновременно обеспечив условия для выживания. Благодаря этому человечество сегодня имеет время и возможности для эксперимента, личностного развития.

Но человек Нового времени, отягощенный проблемой успеха, а вместе с ней и поспешностью, наиболее быстрым путем решения проблем считает рассудок, логику. Однако парадоксально то, что, чем более развивается абстрактное мышление, тем легче происходит отчуждение личности, человек становится все более бесчеловечным.

Одновременно с отпадением от Бытия прародителей человечества на пути познания оно предпочитает руководствоваться разумом и верить ему больше, чем эмпирике чувств.

Между тем «ум» в языках других народов и в русской традиции еще не так давно сохранял значение души и духовности. Про человека говорили «умный» тогда, когда имели в виду его духовные силы, а уж потом знание, рассудок. Так дети дошкольного и младшего школьного возраста (да и взрослые) в пылу решения вопроса иногда говорят друг другу: «Сам дурак!». Понятно, что здесь не идет речь о величине коэффициента интеллекта. Так непосредственно выражают чувство обиды на соперника, не желающего стать на позицию сопричастности, найти компромисс. Сегодня усеченное понимание ума без опоры на дух привело к рационализму. Логическое, рассудочное становится неопровержимым доказательством, критерием истинности.

Конечно, если рассуждать логично, то в профессиональном образовании первой насущной потребностью являются специальные знания. Но в этом и заключается противоречие: «светильник разума» без сердца – механизм, который способен чаще разрушать, чем созидать. И свидетельством тому являются жестокие социальные катаклизмы предшествующего XX столетия.

Можно ли сегодня вновь интегрировать, объединять разделенные в библейские времена разум и чувства, научиться «жить и от души, и с головой»? Что может помочь почувствовать и понять человечеству, ослепленному собственной технической мощью, то, что разум – это лишь механизм для озвучивания сердечных мыслей. Какова в этом роль образовательного пространства?

Сегодня в поиске путей возрождения нации предлагается возродить старые университетские традиции, апробированные опытом предыдущих поколений. Предлагаются и новые формы. При этом, однако, не следует торопиться в выборе средств, тем более стремиться к неоправданной массовости, что может в корне извратить идею.

Интегрирующим разум и чувства началом может быть, прежде всего, творчество. Ведь Идея, Дао, Творец соединяют в себе все возможное многообразие бытия. Человек узурпировал право Творца как следствие необходимости выживать вне Эдема. Он создал среду подобно первотворческому акту. Среда свою, новую, техническую. Но безблагодатное творчество порождает чудовищ, одно из которых – экологическая катастрофа.

Поэтому не творчество вообще, любое, а творчество благодатное, творчество как ум, как неразделимые сердце и знание. Россияне сумели, несмотря на все катаклизмы техногенной цивилизации, сохранить в себе естественность, глубину сердца, интегрированность разума и чувств. А поскольку на Западе эти свойства души утеряны и их лишь пытаются восстановить с помощью различных семинаров, то понятна особая роль России в решении поставленной проблемы. Мы уже можем начинать глобальное общечеловеческое дело, создавая условия для творчества в учебное и внеучебное время. Речь идет о творчестве через различные социальные институты как способе расширения пространства для практической интеграции знаний и чувств. Непревзойденным образцом координатора такого рода творческих действий был знаменитый директор «республики ШКИД», мудрость которого позволила спасти жизнь не одному беспризорнику времен Гражданской войны в России, вернуть радость бытия, ощущение и понимание счастья Жизни.

Уточняющие вопросы по теме

1. Укажите на связь между глобальной экологической катастрофой и мировоззренческими трансформациями.
2. В чем отражается проблема соотношения материального и идеального в диаде «человек – личность»?
3. Каким образом творчество личности, с одной стороны, обеспечивает качество жизни, а с другой – отчуждает человека от нее?
4. Почему можно утверждать, что средством спасения Жизни и природы является не отчужденный рационализм, а, прежде всего, возрождение чувственной стороны человеческой субъектности? Какое отношение к этому процессу может иметь наука, образование, искусство, литература, религия, СМИ, власть?

5. Поясните, каким образом экология как наука расширяет рамки предмета своего исследования и почему экологическими знаниями в настоящее время должен обладать человек любой профессии? Что сегодня включается в понятие «экологические знания»?

Список литературы

1. Минакова С.Ф. Предотвращение экологической катастрофы. Апатиты: Изд. МУП «Полиграф». – 2000. – 212 с.

§ 8.

ЖИЗНЬ КАК ВЫРАЖЕНИЕ КРАСОТЫ ПРИРОДЫ И ТВОРЧЕСТВО В ПРИРОДЕ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ЭКОЛОГИЧЕСКОМУ КРИЗИСУ

1. Жизнь как выражение красоты.
2. Жизненность – мера предмета.
3. Творящая сила вещества и ее выражение в Природе.
4. Красота живого как эталон нормы в Природе и человеческой психике.
5. Природа и трансформация индивидуального сознания в понимании творческого акта человека.
6. Благоговение перед Жизнью, Природой, любовь к ним – доминанты концепции А. Швейцера.
7. Интенсификация эстетического чувства природы как способ пробуждения творческих сил человека в области охраны жизни природы.

Определившись в предыдущей части наших рассуждений с тем, что Жизнь, жизненность есть главная онтологическая предназначенность Природы, напомним знаменитое высказывание русского философа Н.Г. Чернышевского: «Прекрасное есть жизнь». Так выражена им сущность красоты.

Конечно, не все в жизни бывает прекрасно и прекрасным. Да и «стоит ли жизнь того, чтобы быть прожитой»? Поставленную экзистенциалистами проблему будет рассматривать не одно человеческое поколение. Представляется, что ее решение может иметь экологическую или противоположную направленность.

С одной стороны, Жизнь прекрасна как принцип, как эволюционирующее, противостоящее смерти начало. Поэтому мерой любого предмета или явления является его жизненность. Таким образом, нежная садовая роза и невыразительный, с тусклой окраской, но цепкий, жизнеспособный сорняк и переливающийся алмаз, и тусклый уголь в бункере одинаково достойны восхищения. И хотя творящая сила вещества различно проявилась в них, все они представляются символом жизненного богатства, а в некоторых случаях (например, уголь в условиях суровой зимы Сибири) являются тем, что непосредственно обеспечивает саму Жизнь.

К сожалению, вся предыдущая история развития цивилизованного человечества учила ценить, прежде всего, жизнь, провозглашенную и

видимую, а не скрытую и таящуюся. Вспомним русскую поговорку: «На миру и смерть красна!»).

Однако эстетика «тихой красоты» живого, присутствующая в каждом мгновении обыденной жизни и сохранившаяся в лучших произведениях, например японского искусства, захватывает всего человека, гармонизирует совокупность всех его человеческих проявлений:

Жене не говорю, чтоб не спугнуть,
что гусеница на груди ее – как брошка.

Любуюсь тайно украшеньем я (Исида Хакё).

Более того, исследования детей раннего возраста показывают, что они с одинаковым энтузиазмом тянутся к безобразному (на взгляд взрослого человека) пресмыкающемуся и к милому котенку, то есть к тому, что обладает качеством жизненности. И только в последующем воспитание и обучение приучат его равнодушно относиться к экспериментам над собакой, описанным в школьных учебниках, к препарированию лягушки в школьной лаборатории. Здесь не приходится говорить о произведениях массовой культуры, когда беспрестанно сменяющиеся кинокадры боевиков демонстрируют нам горы окровавленных, изуродованных тел или методично убиваемых на наших глазах людей. Они уже не вызывают зрительского сожаления, сочувствия, ужаса. Потому стоит ли сегодня удивляться расползающемуся по всему миру терроризму, идеологическим фундаментом которого является распространяющаяся во всех культурах «инфекционная болезнь» ума – презрение к Жизни земной?!

В этой связи вспоминаются детективные сериалы так называемой эпохи застоя. Расследованием убийства одного, тем более, двух человек занималась целая следственная бригада. И, конечно, вне комментариев раскрытие преступления, совершенного студентом Родионом Раскольниковым! Представляется, что роман Ф.М. Достоевского стал всемирно известен в силу ряда его художественных достоинств, но, прежде всего потому, что он – гимн Жизни.

Философский поиск основ воспитания человека XXI века подсказывает педагогике путь отказа от антропоцентристского функционализма в сторону экологической ориентации. Согласно ей, очарование природных образов и структур должно открываться, в первую очередь, как ценность Живого.

Понятно, что исключение технико-экономических отношений человека с природой на сегодняшней стадии развития научно-технического прогресса уже не представляется реальным. Однако остается возможным индустриальные формы жизни насытить связями с природой благодаря признанию ее самоценности, чувственного и ду-

ховного превосходства. Следовательно, ключевой целью с самых ранних стадий социализации должно стать воспитание благоговения перед Жизнью как выражения ответственности перед природой за вмешательство в нее человеческого разума.

Благоговение перед жизнью является основным положением концепции А. Швейцера. Человек, поскольку он наделен сознанием, в отличие от остальных существ, потому и способен к высокому знанию жизни, способен к восприятию ее многообразных форм и уважению к ним как выражению благоговения перед Жизнью. Наряду с этической максимой, позволяющей называть Добром все, что связано с сохранением Жизни, а злом все, что направлено на уничтожение ее, в его концепцию органично вплетается переживание прекрасного в природе, чувства любви к ней.

Любовь к природе возможна лишь в случае ее сущностного, персонифицированного восприятия. Такой оценочный контакт является духовным источником одновременно и эстетического отношения к ней. Многообразие и красота форм, образов, способов действия, экспрессивность, глубина и размеры систем – все это вызывает духовно-эмоциональное переживание непостижимости, бесконечности, всеисилия Природы и одновременно человека как ее эволюционно необходимого составного звена.

Созерцание прекрасного в жизни природы снимает технико-экономическую усталость. Природа представляется здесь животворящей, полнокровной индивидуальностью, благоговение перед которой и ориентация на которую делает сознание человека способным на организацию индивидуальной экологической деятельности. При этом возможно планирование ландшафта жилых районов, зон игр, спорта, отдыха и пр. Подобная эстетическая деятельность есть выражение человека не как объекта государственного управления, а как творчески способной личности. Сам творческий акт, прежде окутанный аурой исключительности, становится в индивидуальном сознании достигаемым.

В свою очередь, экологически ориентированный менеджмент предприятий способен дать человеку удовлетворение от выполненной работы потому, что не нарушается окружающая природа, сохраняется ее красота и личное здоровье. Ощущение собственной жизни и сопричастность к сохранению, спасению естественных ее основ на Земле также может стать основой успешной работы общественного производства.

Итак, в условиях индустриальной цивилизации признание природы, ее красоты как ценности самой по себе, сотрудничество с нею, творчество в ее недрах по ее же законам придает осмысленность бытию человека. Это проявляется, прежде всего, не в плане формирования рас-

судочности, а в ощущении им счастья. Так, Э. Фромм утверждал: «Кто в своей собственной жизни не имеет радости, тот хочет за это отомстить и предпочитает выступить разрушителем жизни вообще, чем почувствовать, что он не в состоянии наполнить ее каким-либо смыслом. И хотя с психологической точки зрения он жив, но душа его мертва. И здесь берет свое начало активная жажда разрушения и готовность лучше уничтожить всех (и себя в том числе), нежели признать, что ты не использовал данную от рождения возможность прожить настоящую жизнь» [1, с. 25]. Таким образом, интенсификация эстетического чувства природы, поднимая человека над обыденным в возвышенное состояние, пробуждает духовные, творческие силы, помогает сосредоточиться на гуманных сторонах Жизни.

Уточняющие вопросы по теме

1. В чем выражается, по мнению русского философа Н.Г. Чернышевского, сущность красоты?
2. Каким образом (перефразируя знаменитые слова) проблема «Жить или не жить?» приобретает экологическую или противоположную направленность?
3. Как вы понимаете выражение: «Мерой любого предмета или явления является его жизненность»?
4. Какая жизнь, по вашему мнению, «красна»? («Красное» на Руси означало «красивое»):
 - а) провозглашенная, видимая,
 - б) скрытая обыденностью?Приведите свои примеры.
5. Согласны ли вы с мнением ученых о том, что современные СМИ разрушают психику человека. Последствия этого процесса выражаются в презрении к жизни земной, ничем не ограничиваемом желании удовлетворять постоянно растущие потребительские интересы, что в конечном итоге заканчивается неудовлетворенностью, преждевременной смертью?
6. Каким образом возможно насыщение индустриальных форм жизни связями с Природой? Укажите на варианты трансформации сознания в понимании творческого акта человека.
7. Почему антропоцентристский фундаментализм мешает экологической ориентации человека?

8. Может ли красота природных образов и структур стать основой для формирования ценности Живого?
9. Каким образом интенсификация эстетического чувства природы пробуждает творческие силы, сосредотачивает на гуманных сторонах жизни?

Список литературы

1. Фромм Э. Во имя жизни // Философия и жизнь. – М.: Знание. – 1992. – С. 8–27.

Учебное издание

ПОЛЕЩУК Лариса Геннадьевна

**ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА:
ФИЛОСОФИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
В ЭПОХУ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Учебное пособие

Научный редактор
кандидат философских наук,
доцент

Г.К. Гульбин

Редакторы

*Т.В. Казанцева,
Л.А. Холопова*

Компьютерная верстка
Дизайн обложки

*Л.Г. Полещук
Н.К. Русинова*

Подписано к печати 29.04.2011. Формат 60x84/16. Бумага «Снегурочка».
Печать XEROX. Усл.-печ. л. 5,93. Уч.-изд. л. 5,37.
Заказ 1369. Тираж 70 экз.

Национальный исследовательский

Томский политехнический университет
Система менеджмента качества

Издательства Томского политехнического университета сертифицирована
NATIONAL QUALITY ASSURANCE по стандарту ISO 9001:2008

ИЗДАТЕЛЬСТВО

тпу. 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30.
Тел./факс 8(3822)56-35-35, WWW.tpu.ru